В ЭТОМ НОМЕРЕ:

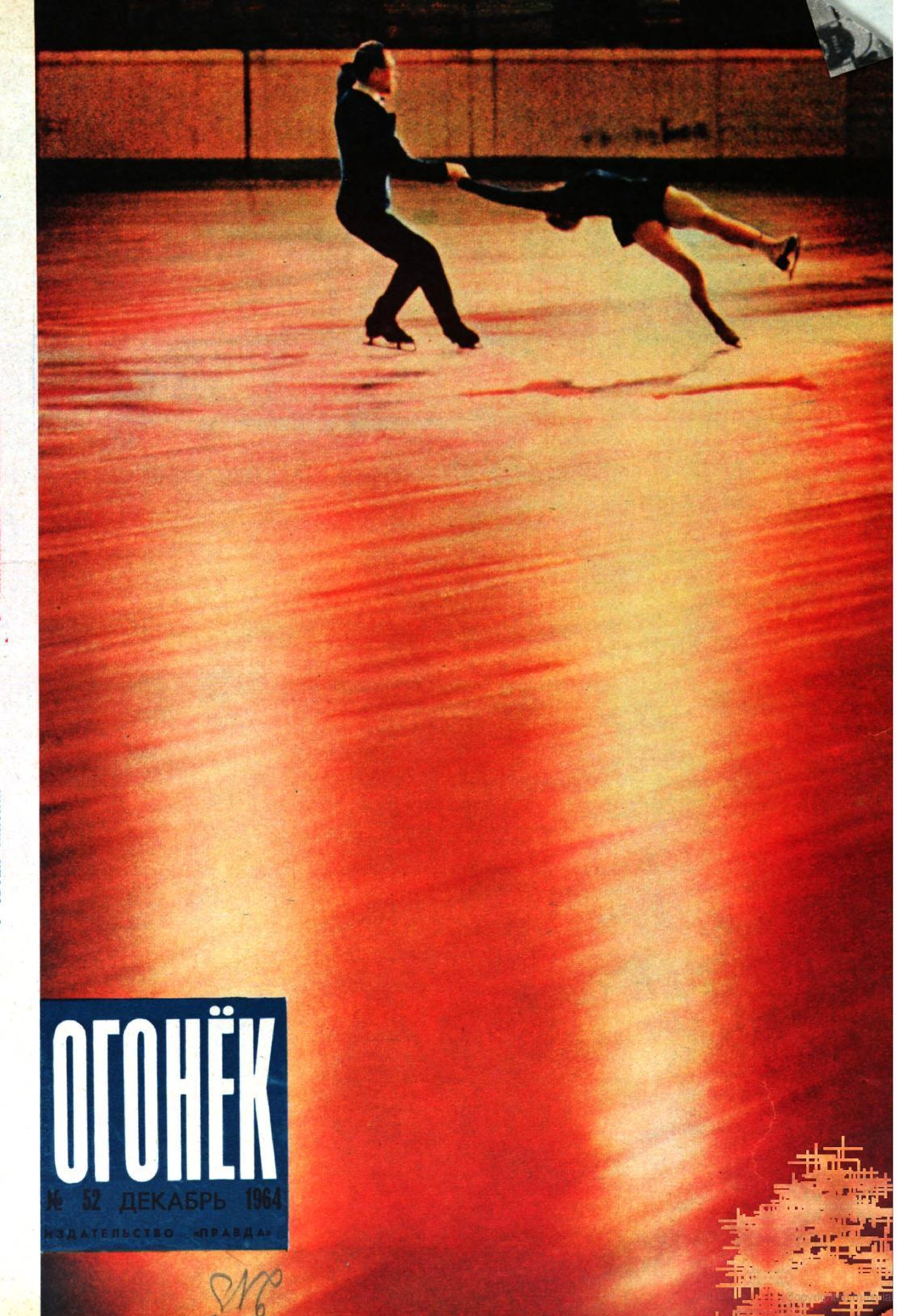
ЧАРЛИ ЧАПЛИН ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗ О СВОЕЙ ЖИЗНИ.

•

ПЕТЕР КАРВАШ ЗНАКОМИТ С «МИЛЕЙШИМ ЧЕЛОВЕКОМ».

•

ЮРИЙ КРИВОНОСОВ ПРИГЛАШАЕТ В ГОСТИ К ПОЮЩИМ ТАКСИСТАМ.

ОГОНЁК

№ 52 ДЕКАБРЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Галя и Олег появились в магазине в часы пик.

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 52 (1957)

20 декабря 1964

ОДНА ИЗ 2000 НЕВЕ

Кадр из кинофильма, скажете вы, взглянув на снимок. Но так было в магазине, когда в часы пик в одном из многолюдных залов «Детского мира» появилась эта молодая пара. Кто они, эти двое — девушка с букетом гладиолусов и парнишка в строгом черном костюме, в белом галстуке? «Галя, Галя! — кричат со всех сторон.— Поздравляем, поздравляем!» Некоторые тут же кидаются целовать девушку с гладиолусами. Мы еще не сказали, что на ней подвенечное платье, значит, эти поздравления, изъявления добрых чувств она вынуждена принимать с величайшими предосторожностями. Но вот кто-то узнал и паренька: Олег Александров! Оба они — Галя Голованова и Олег Александров — только что из Дворца бракосочетания. Так было условлено — прямо оттуда в магазин, а уже там, на седьмом этаже, в Белом зале, будут накрыты к этому моменту столы. Но чтобы попасть туда, наверх, невозможно миновать зал, тот самый, где Галю Голованову привыкли видеть совсем в другом окружении и в другой роли. Она продавщица отдела политехнических товаров и домоводства. Вот уже пять лет.

Интересно, спрашивают ли продавщиц, когда они поступают сюда на работу, любят они детей? По крайней мере Гале такого вопроса, когда она впервые явилась в магазин, не задали. Однако уже через неделю этот вопрос возник перед ней и не оставлял ни на минуту в покое. Глядит она вслед покупателям, уносящим сверточки, сделанные ее руками, и думает: интересно, справятся ли они с «Конструктором», понравится ли им крошечный домик, пока еще умещающийся в обычном почтовом конверте?

...В час, о котором идет здесь речь, двери магазина едва успевают пропускать громадный поток покупателей, и хотя «Детский мир» соединен со станцией метро специальным вестибюлем, а со стороны Пушечной улицы открыта громадная стоянка автомашин, все равно городской транспорт едва успевает доставлять сюда покупателей. В фирме — семь с лишним тысяч служащих. Кто-то подсчитал, что в одну минуту продавщица «Детского мира» успевает отпустить восемь покупок. Может быть, это неточно? Может быть, это преувеличение? Но зато мы хорошо знаем, что отвечать продавщице приходится на тысячу и тысячу вопросов. Больше всего Галя боялась, что покупатели не услышат ее ответов. Обычно она говорила очень тихо, а тут стала кричать. Она кричала до хрипоты. Старшая продавщица несколько раз подходила и шептала: «Галя, потише». Но это не помогало. И даже ночью, вернувшись домой, она и во сне продолжала отвечать на вопросы покупателей. Так выглядел ее первый трудовой день.

...Белый зал. Туда сейчас Галя Голованова направляется вместе с Олегом Александровым в очень торжественной, как мы уже убедились, обстановке. Но взглянули бы вы на эту парочку несколько месяцев тому назад в этом же Белом зале. На Гале была маечка, красный галстук, спортивные туфли, костюм Олега тоже не отличался парадностью. И Галю и Олега окружила веселая, говорливая детвора. Детвора эта тоже задавала вопросы, но, конечно, совершенно не те, которые приходится слышать за прилавком. Отправляли детей служащих в пионерский лагерь. Галя и Олег — пионервожатые. И родители, обычно провожающие своих детей, старались ни на шаг не отходить от Гали и Олега. Почему? Всем хотелось, чтобы дети попали к ним в отряд.

И тут пришло время ответить на вопрос, должны ли продавщицы магазина любить детей. Оказывается, что обязательно должны. И Галя получила возможность проявить эту любовь в пионерском лагере. Она сама попросилась в вожатые. А уж потом никто не представлял себе лагерь без нее. Бывало, нужно срочно отправиться в Москву. Соблазнительно остаться на день-другой дома, повидаться с подружками, сходить в кино, но Галя, как только справится с делами, стремглав бежит на вокзал. Не дай бог пропустить электричку. И все это ради того, чтобы увидеть глазенки малышей, которые и так не оставляют ее без внимания, пока она стоит у прилавка.

Однако не пора ли вспомнить и об Олеге, который сейчас ни на секунду не отходит от Гали. Этот паренек, можно сказать, попал в «Детский мир» чуть ли не с самой Атлантики, где он неподалеку от Фарерских островов на рефрижераторе «РР-1277» ловил сельдь. Правда, потом была служба в рядах Советской Армии. Но все-таки, если говорить о первой его самостоятельной работе, так это была Северная Атлантика. И он этим немало гордится, потому что и отец его был моряком. На линкоре «Марат». В ту пору, когда Галя поступала учиться в торговый техникум, Олег, желая пойти по стопам отца, сдавал экзамены в школу судомехаников. Она, окончив техникум, сразу же пришла в «Детский мир», а он укатил в Калининград, а оттуда на океан. Познакомились они оба вот здесь, в этом Белом зале, собирая в путь-дорогу малышей. К тому времени Олег уже работал на одном из складов «Детского мира». Работник склада, техник по специальности, Олег, как и Галя, в свое время попросил, чтобы его послали в пионерский лагерь вожатым. Некоторые выразили сомнение: Олег в прошлом моряк, потом солдат. Вряд ли он найдет общий язык с малышами. Но Олег настаивал и добился своего. А вскоре он стал любимцем детворы. И кто знает, может, именно пионерский лагерь послужил основой будущей дружбы, будущей любви...

В «Детском мире», как мы уже сказали, свыше семи тысяч служащих; из них, без всякого преувеличения, две тысячи невест. Но почему комсомольский комитет решил справить свадьбу именно Гали? Что она, лучшая продавщица, лучшая комсомолка? Она обычная продавщица, добросовестная, честная, внимательная. Она обычная комсомолка, в меру активная, в меру веселая. И все-таки кое-что можно сказать о ней такое, что отличает ее от многих. Она в любой момент согласится поменяться сменами не только с близкой подругой, но и с малознакомой сотрудницей. Еще не было случая, чтобы Галя не сделала этого. Мелочь, скажете. Однако в этой мелочи—яркая черточка характера Гали. Или еще. Двое покупателей долго рассматривают игрушку: идут на именины и выбирают подарок. Но вот начинают подсчитывать деньги: не хватает полтинника. Галя молча наблюдает за этими покупателями. Она их видит в первый раз. Она и не знает, кому предназначен подарок, но представляет, как огорчатся эти двое, если не унесут из магазина покупку. Что делать? Им не хватает ровно пятидесяти копеек. Нельзя сказать, чтобы в в этот момент Галин девичий кошелек разбухал от денег. Но все-таки она пальцами в кармане нащупывает и пересчитывает все наличные. Там ровно столько, сколько не хватает двоим. Правда, на проезд в метро пятак придется одолжить у подруги. Но это уже дело будущего, а пока Галя говорит: «Идите платите, вот вам недостающие деньги. Как-нибудь занесете». Нужно ли здесь описывать лица покупателей. А на другой день в часы пик, когда Галя едва справлялась с работой, кто-то настойчиво рванулся к ней с двумя гвоздичками. Это ее должники. Они принесли долг и гвоздики.

Эту историю Галя нам не рассказывала. Рассказали другие — комсомольцы, которые все это наблюдали со стороны. И когда стало известно, что Галя выходит замуж за Олега,— все хорошее, что сделали Галя и Олег для людей, всплыло на поверхность. К сожалению, ни администрация, ни комсомольский комитет не могли вручить молодым ключ от квартиры. Но вот свадьбу справить было решено, первую комсомольскую свадьбу.

А нашему фотокорреспонденту просто повезло. Он оказался в магазине в момент, когда молодая чета следовала через зал, как мы уже сказали, к лифту, который должен был доставить молодоженов в Белый зал, где ждали их верные друзья и товарищи.

З. ХИРЕН

Фото Дм. Бальтерманца.

В Белом зале их ждали друзья.

Н. ХРАБРОВА

Фото Виктора Сальмре.

Картинка с ярмарки.

Отзов

Зимнее утро. Взъерошились черепичные крыши, шпили уткнули озябшие носы в мохнатые тучи. Город кажется пустынным. Но вот вышли из домов люди, и улицы как бы проснулись. Солидно зашагали мужчины в темно-серых, сине-зеленых и бежевых спортивных пальто. Замелькали представительницы прекрасного пола — в прямых, чуть приталенных зимних одеждах табачного, горчичного, терракотового, яблочно-зеленого и всех прочих цветов. Но у всей этой радуги расцветок есть одна общая черта: они мягки, приглушены. Такова нынче мода в городе. Впрочем, не только нынче, но и всегда.

Вы, вероятно, догадались — это Таллин.

Мы не знаем, кто первый употребил слово «элегантность» применительно к одежде. Слово это пришло во все языки из латыни, первоначально оно значило «избранный». Может быть, древние думали, что быть хорошо одетым — это удел избранных?..

Вот этой «избранности» и бросил вызов Таллинский дом мод, твердо решив сделать элегантность в одежде достоянием всех.

Есть в республике две художницы. Несколько десятилетий они пропагандируют умение красиво и правильно одеваться. Это Наталие Мей и Мари Адамсон. Наталие Мей занимается историей костюма, она досконально знает, что хорошего и умного придумало человечество для своей одежды в каждом столетии и что от каждого столетия следует брать нам, людям двадцатого века. А Мари Адамсон изучает народную одежду, ее ткани и расцветки—нескончаемый родник всех будущих мод и красок. Обе они много лет преподают на кафедре костюма Таллинского художественного института, обе прочитали много лекций и воспитали много художников и художниц, знатоков одежды. Словом, они подготовили почву.

А в 1957 году директор швейной фабрики имени Клементи Анита Бурлака покинула свой пост и стала директором вновь организованного в Таллине Дома мод. Вместе с ней ушла с фабрики и стала главным художником Дома Хельга Мараник. Потом пришли многие другие — бывшие студентки Художественного института, все они единодушны во взглядах на моду. Вот эти взгляды:

— Мода существует для человека, а не наоборот. Как относиться к моде? Ведь рано или поздно ее все равно приходится признавать. Известно, что мода смешна в самом начале и в самом конце, следовательно, лучше всего с ней мириться вовремя.

— Мода должна стать в нашей жизни постоянной привычкой, не больше. Как все хорошие привычки, чувство моды следует развивать, постоянно следя за ней.

— Одежда должна согревать нас и своей красотой. Каждый

МОЛОКО, КОТОРОЕ НЕ КИСНЕТ

Что вы знаете о домашнем сыре? Ничего не слышали о нем? Возможно. Его еще трудно достать в магазинах, потому что пока он выпускается в сравнительно небольших количествах опытно-экспериментальным заводом Всесоюзного научно-исследовательского института молочной промышленности. Там и разработан рецепт его приготовления.

Что же такое домашний сыр? Название обманчиво. Он совсем не напоминает сыр, к которому мы привыкли. И скорее похож на творог, хотя значительно отличается от него.

— Домашний сыр,— рассказывает работник института, кандидат технических наук В. И. Селезнев,— нашел широкое применение во многих странах мира. Так, например, в США его производят в несколько раз больше, чем творога, с которым он имеет сходство. Врачи, как известно, рекомендуют творог людям всех возрастов, однако он имеет и отрицательные качества: в нем много жира и кислоты, вредных при ряде болезней. Между тем в домашнем сыре всего четыре процента жира, мало кислоты, а белка — самого питательного вещества — столько же, сколько в твороге. Впрочем, пойдем на завод, и вы сможете отведать этот новый сыр.

В цехе мы увидели весьма несложное оборудование для производства домашнего сыра. В большую ванну заливают две тонны обезжиренного молока, где оно заквашивается специальным способом, обрабатывается, и в результате получают необычного вида продукт, состоящий из крупных зерен белого цвета, отдаленно напоминающих зерна кукурузы.

— Пробуйте!

Кладу в рот с десяток зерен. Творог, но вкуснее и приятнее. Ощущение такое, будто ешь сыр — жирный, некислый, несухой, в общем, мне домашний сыр понравился, но, как говорится, на вкус и цвет товарища нет.

— А цена?

— Дешевле, чем творог: шестьдесят четыре копейки килограмм. Расфасованный в коробки — несколько дороже.

Домашний сыр пришелся по вкусу москвичам, которым довелось его испробовать. Пока его получают только восемь магазинов, но в ближайшее время массовый выпуск домашнего сыра начнется на столичном молочном заводе имени Горького, где для его производства установлено шесть больших ванн. Выпускают такой сыр и в Туле, и в Вильнюсе, и в Магнитогорске, и в Волгограде, и в других городах страны. Предполагается, что к 1970 году производство его достигнет ста тысяч тонн в год.

Для того, чтобы познакомиться еще с двумя новыми молочными продуктами, которые мы скоро получим, пришлось поехать на новый завод, в Черкизово.

Слышали ли вы такое слово «ягурта»? Слово это болгарское, как и сам этот молочный продукт, родившийся в Болгарии и получивший признание во всем

Идет защита эскиза: художники Вильма Сепп и Ойви Варе.

Вечер. Тишина. Художницы Лючия Хабихт и Эльга Лешкина делают «Силуэт».

Счастливого пути вам, моды 1965 года!

итесь на крик моды

костюм, изготовлен ли он по индивидуальному заказу или на фабричном конвейере, должен быть произведением прикладного, бытового искусства. Поэтому тон в одежде должны задавать осведомленные люди, иначе говоря, художники Дома мод. Отныне мы и собираемся командовать парадом мод.

Ого, какие были лица вначале у некоторых швейников и деятелей торговли! Посыпались вопросы:

— Отозваться на крик моды?

— А план кто будет выполнять?

— А модные ткани откуда взять?

— А если ваши фасоны покупатель не поймет?

И вдруг категорическое слово швейников:

— Консультировать сами приходите, у нас времени нет!..

Ну, конечно, сами! В Таллинском доме мод есть специальная группа художников и конструкторов во главе с Лейли Метссоо, их так и называют — «внедрители». Когда нарисованный художником эскиз пройдет через огонь, воду и медные трубы нескольких художественных советов, когда он станет одеждой и снова пройдет суровый путь демонстраций, отборов и утверждений, тогда «внедрители» направляются с новой моделью на фабрики и по-лоцмански ведут ее от лекал до ОТК. Это тернистый путь, потому что именно здесь самую красивую модель могут не пощадить рифы в виде старомодных лекал и старомодных привычек, неподходящих тканей и несоответствующей отделки. Надо уметь эти рифы обойти. И надо добиться, чтобы модель выполнялась небольшими партиями: нельзя же каждый сезон одевать всех горожан как бы в униформу. Надо еще, чтобы при этом ни на копейку не повысилась себестоимость и ни на минуту не задерживался бы производственный процесс. Надо дружить с руководителями фабрик и спорить с ними!

А еще надо постоянно воспитывать вкус тех, ради кого все это делается. На демонстрациях мод нужно показывать много красивого и заманчивого, так, чтобы каждая демонстрация была праздником хорошего вкуса и искусства. Традиционными стали демонстрации-ярмарки, где показывают не только костюмы Дома мод, но и будущую продукцию всех швейных фабрик республики. Зрители на этих ярмарках тоже из всех уголков республики, из Латвии, Литвы и Белоруссии, из Ленинграда, Мурманска и Архангельска. И зрители эти не просто зрители, а деловые люди. Они приехали со своими бухгалтерами, юристами и специальными бланками. Отдав должное красоте модели, они тут же оформляют заказ на нее.

Есть в Таллинском доме мод очень влиятельный воспитатель хорошего вкуса и хорошего тона — это журнал «Силуэт». Хорош он не только рисунками, фотографиями и оформлением страниц, а еще и тем, что постоянно учит, где, как и какую надо носить одежду. Вот статьи одного из номеров: «Детали делают моду»; «Как мы должны выглядеть на пляже»; «Где, кому и когда носить брюки»... Журнал показывает не только красивое. Карикатуры Сельмы Ремме учат не меньше, чем самые элегантные рисунки. У журнала есть приложения «Рабочая и служебная одежда» и «Силуэт для детей». Предмет особой заботы художниц — детское отделение Дома мод. Здесь работается весело, особенно в дни примерок, когда тут появляются маленькие Петер, Хилле и Тийна-Мари: они задают тон таллинской детворе...

Итак, в Таллинском доме мод твердо знают, какой должен быть современный покрой и цвет, как надо влиять на фабричный конвейер и как воспитывать покупателя. А что же мешает в работе?

— Ткани! — хором говорят художницы.— Знаете, как работают настоящие мастера моды? Им перед началом каждого сезона приносят новые ткани, и они придумывают для них новые модели. А мы? Мы ведь добрый десяток лет пытаемся приспособить новые покрои к старым тканям! Особенно трудно подогнать современные легкие «маленькие» покрои к жестким старым драпам. Нам нужны буклированные, эластичные ткани. Передайте это через ваш журнал текстильщикам. Пусть и они отзовутся!..

Мы хотели бы передать это не только текстильщикам, но и различным художественным советам: без их участия еще не скоро произойдет замена старомодных тканей.

Вот что рассказала нам председатель художественного совета Совнархоза ЭССР Хелен Сирель:

— Наш художественный совет в прямом смысле слова вышел в поход за обновление продукции. Например, шерстяные шарфы фабрики «Текстиль» давненько лежат без движения на полках магазинов. Мы в полном составе отправились на эту фабрику и спросили там: почему продолжаете выпускать старые образцы? Почему не придерживаетесь эталонов, утвержденных художественным советом?

Такие же вопросы мы задали и на текстильной фабрике «1-е Декабря» и на чулочной фабрике «Пунане Койт»,— продолжает Хелен Сирель.— Разумеется, веских доводов в свое оправдание руководители этих предприятий не могли привести. Небрежность, косность, равнодушие к развитию своих предприятий — вот истинные причины. Наша ближайшая цель — повторить визиты, посмотреть, как перестраиваются. Руководители этих фабрик должны понять, что мода не каприз, а требование покупателя. Затоварившиеся старомодной продукцией магазины и склады — это экономическая проблема, это ущерб интересам трудящихся и государства.

мире. В ряде стран нет ацидофилина, кефира, простокваши, их заменяет вездесущая ягурта. Она сквашивается из молока с применением болгарской палочки и очень питательна. В ней меньше жира, чем в кефире и простокваше, но она более ценна в диетическом отношении. Стоит ягурта дешевле кефира.

Теперь нам остается посмотреть третью новинку. Это — молоко, которое не киснет. Специалисты называют его стерилизованным, а потребители окрестили «новым молоком». Можайский молочный завод уже освоил выпуск этой новинки, и в ряде столичных магазинов она уже периодически появляется. Теперь к массовому выпуску стерилизованного молока приступает и Черкизовский молочный завод.

Такое молоко, конечно, понравится хозяйке: его можно держать в комнате месяц, два и больше. Не нужен ни холодильник, ни погреб. Незаменимо оно для туристских поездок, экскурсий. Нечего говорить, что жителям знойного юга такое молоко доставит большую радость.

Процесс стерилизации молока довольно сложен, поэтому стоить оно будет на копейку дороже обычного, пастеризованного. Пусть вас не смущает, что при длительном хранении вверху бутылки не собираются сливки: жир в молоке распределяется равномерно.

Впрочем, вы легко узнаете новое молоко: оно продается в узкогорлых бутылках в отличие от обычных молочных и запечатывается на манер минеральной воды или пива металлическими пробками.

Если молоко предназначено для очень длительного хранения, то оно проходит двойную стерилизацию и тогда приобретает коричневато-кремовый цвет и привкус топленого или кипяченого молока. Однако то, которым меня угостили на заводе, оказалось белым и очень приятным, без всякого привкуса. На металлической пробке были выбиты слова: «Стерилизованное молоко. Черкизовский завод. X. 1964».

За новое дело берутся заводы ряда городов страны.

Я. МИЛЕЦКИЙ

ДЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ:

— *9220 миллионов метров тканей,*
— *жилые дома площадью 84 миллиона квадратных метров,*
— *на 10 процентов увеличится выпуск пищевых продуктов по сравнению с 1964 годом,*
— *полмиллиона новых мест в детских яслях и садах.*

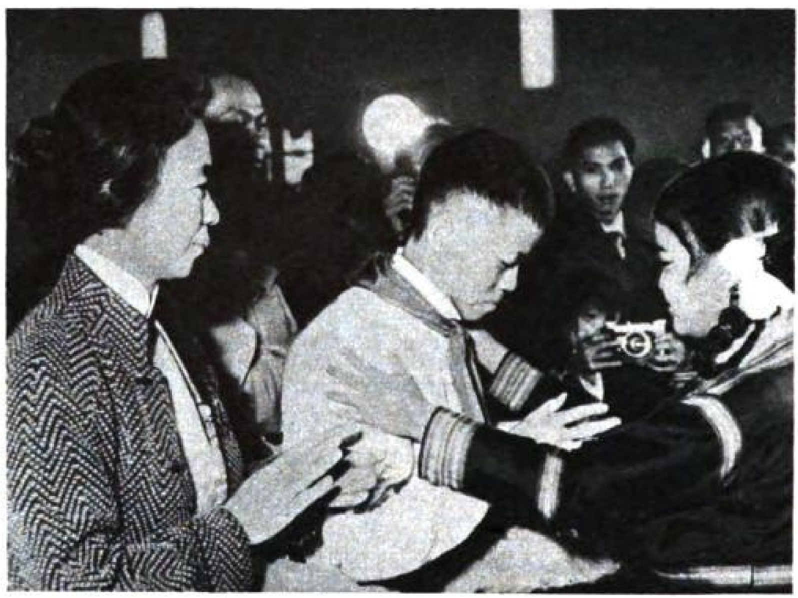
ПО ОБЕ СТОРОН 17-Й ПАР

Заметки делегата ханойской конференции

А. СОФРОНОВ

В президиуме конференции. Руководители делегаций Демократической Республики Вьетнам и Южного Вьетнама отвечают на приветствия зала.

Хан Ван Бот встретился с южновьетнамскими пионерами.

Немалый путь от Москвы до Ханоя.

Два дня жили мы в Пекине, а на рассвете третьего дня наш старый знакомый — самолет «ИЛ-14»,— приняв на свой борт группу делегатов Международной конференции солидарности с вьетнамским народом, борющимся против агрессии американского империализма, в защиту мира, покинул Пекин и взял курс на юг.

Семь лет назад мне уже пришлось лететь этим маршрутом. Поэтому сейчас было особенно интересно смотреть с относительно небольшой высоты на города и поселки Китая. Сменяются пейзажи. Мелькнула широкая река Янцзы. Коричневые горы. Зеленеющие поля. Две небольшие посадки: одна — в Ухане, другая — на границе. С нами летят делегаты из Чехословакии, Кубы, Англии, Венесуэлы, Франции, Индонезии, Доминиканской Республики, представители международных прогрессивных организаций... И вот уже пошли зеленые земли Демократической Республики Вьетнам. Самолет снижается, и мы попадаем в объятия вьетнамских друзей. Они встречают делегатов конференции цветами, сердечными рукопожатиями. Мы видим старых наших друзей и пожимаем руки новым.

Предвечернее солнце опускается за дома. На улицах Ханоя шумно, много велосипедистов, знакомые контуры машин — «Волги», «Победы», «Москвичи». Чувствуется, что в Ханое царит трудовая атмосфера, хотя кое-где видны бомбоубежища. Ханой — этот мирный в настоящее время город — насыщен грозовым воздухом недалекого фронта.

Мы прибыли за два дня до начала конференции, и, естественно, у нас оставалось время и посмотреть столицу ДРВ и повидаться с друзьями.

Еще до начала конференции мы были приняты президентом ДРВ товарищем Хо Ши Мином. Он встретил нас на пороге президентского дворца. Пригласил в прохладную комнату, расспрашивал, как живет Москва, вспомнил о том, что когда-то активно писал в газету «Гудок» и журнал «Огонек».

— Главное в этой конференции — единство, — сказал нам, прощаясь, товарищ Хо Ши Мин.

Это как бы послужило девизом, под которым прошла вся конференция в Ханое. Эти слова товарищ Хо Ши Мин повторил и на заключительном приеме, устроенном правительством ДРВ в честь делегатов конференции. Он сказал: «Главное сейчас — единство, единство и еще раз единство».

В ту пору мы еще не знали о том, что американские империалисты устроили провокацию накануне открытия конференции: они обстреляли территорию ДРВ и грозились бомбардировать Ханой. Наши хозяева сказали нам об этом уже позже. «Мы готовы были отразить любую провокацию»,— говорили они нам.

В новом здании Конгрессов собрались делегаты, представляющие Азию, Африку, Латинскую Америку, Европу и Австралию. Торжественным было открытие, волнующими — встречи, содержательными — доклады главы делегации ДРВ товарища Хоанг Куок Вьета и руководителя делегации Национального фронта борьбы за освобождение Южного Вьетнама Чан Ван Тханя. В напряженной тишине звучали слова выступающих: «Соединенные Штаты Америки пытаются заменить старый французский колониализм неоколониализмом», «Границы США тянутся до 17-й параллели».

«Особой войной», или «войной третьей категории», именуют американские империалисты развязанную, кровавую интервенцию в Южном Вьетнаме. Они поставили задачу покорить героический Южный Вьетнам за 18 месяцев. Не вышло. В эти дни отмечается 4-я годовщина создания Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. За это время в Южный Вьетнам из Соединенных Штатов Америки перевезено огромное количество оружия, боеприпасов. Создана армия в 500 тысяч человек. Проводятся облавы на молодежь призывного возраста. Строятся стратегические аэродромы и морские базы. Сверхзвуковые самолеты бомбардируют мирные селения. Южный Вьетнам является местом расположения штаба американских империалистов в Южной Азии и на Тихом океане. До 30 тысяч солдат и офицеров носят форму американской армии. На территории Южного Вьетнама более 20 американских генералов. Американские войска и их сайгонские подручные вспарывают животы, закапывают живыми в землю южновьетнамских патриотов. Деревни сжигаются напалмом. Люди и посевы подвергаются с самолетов отравлению химикатами. За это время около 200 тысяч человек убито. 700 тысяч ранено. В тюрьмах и лагерях находится до 500 тысяч человек.

Гневно гудел зал, возмущенный преступлениями, которые творятся американскими интервентами на земле Южного Вьетнама. А в первом ряду, среди делегации, представляющей народ Южного Вьетнама, сидел тринадцатилетний мальчик Хан Ван Бот, обожженный напалмом.

8 июля этого года в 3 часа дня над деревней, где жил Хан Ван Бот, появился разведывательный американский самолет. Покружил, а затем следом прилетели другие самолеты. Они сбросили 50 напалмовых бомб. Горящий бензин разлился по земле. Дети пылали, как живые факелы. Хан Ван Бот видел, как сгорели его товарищи, сгорел его брат. За эти страшные минуты погибло 32 человека.

Докладчик говорил, останавливался, пил воду, вытирал слезы. Плакали женщины, плакали мужчины, рыдал мэр города Ханоя.

Докладчик продолжал выступление.

Народ Южного Вьетнама не сдается. Больше того, он наращивает свои удары. Всюду, где возможно, сражаются партизаны и бойцы Национального фронта освобождения. Не только джунгли, но даже Сайгон не является спокойным местом для американских колонизаторов и их подручных. Посольство США в Сайгоне окружено проволокой и, по существу, превращено в казарму. Герои-патриоты уничтожают военные корабли и самолеты противника, захватывают оружие, громят вражеские экспедиции. А совсем недавно было совершено героическое нападение на американский аэродром в Биен Хоа, где было уничтожено более 20 американских самолетов.

Ы

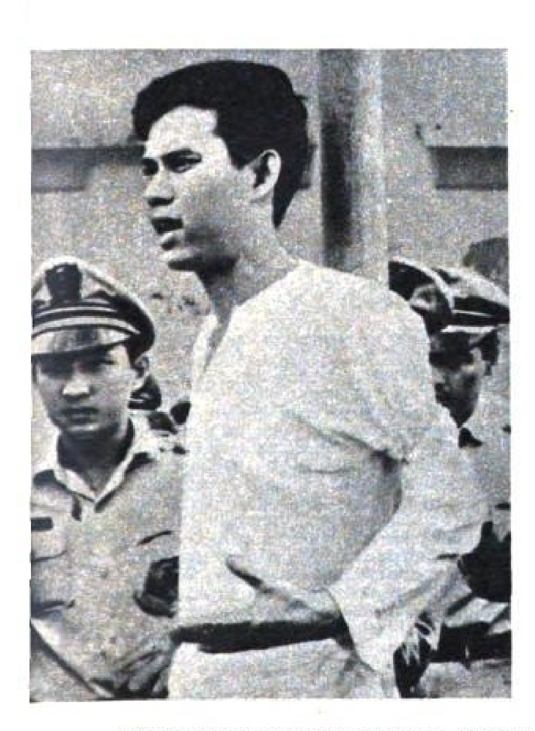
АЛЛЕЛИ

20 декабря — четвертая годовщина создания Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

По приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки в Москву прибыла делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.
На снимке: член Исполкома ассоциации женщин за освобождение Южного Вьетнама Ле Тхи Као, член Центрального Комитета Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Ван Тьен (глава делегации), общественный деятель Южного Вьетнама Ле Тунг Сон.

Уже три четверти территории Южного Вьетнама освобождено от американо-сайгонских бандитов. Там работают школы, люди учатся и одновременно сражаются за свою родину. Все больше чувствует народ Вьетнама помощь социалистических стран и прогрессивных людей всего мира.

Друзья показали нам три небольших фильма, наглядно представляющих борьбу южновьетнамских патриотов. Вот самосожжение буддистов на улицах Сайгона. Полицейские разгоняют демонстрантов. Мы видим бойцов сражающегося Южного Вьетнама. Они в джунглях. Идут по заболоченной местности. Вот американцы трусливо бегут от сбитого самолета. Он лежит, дымящийся, с опознавательными знаками военно-воздушных сил США. В освобожденных районах учатся дети. Девушки овладевают огнестрельным оружием. Каждый человек готовится к защите своей родины.

Южновьетнамский патриот Нгуен Ван Чой был расстрелян в Сайгоне на глазах представителей прессы. За несколько минут до казни он заявил: «Мы боремся за свободу народа, мы победим...»

Делегаты конференции посетили могилу Неизвестного солдата. Здесь горит вечный огонь. А вокруг этой могилы бесчисленные надгробные памятники тем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Вьетнама.

И снова ветер влетает в зал конференции. Входят с цветами в руках, в красных косынках южновьетнамские пионеры. Те, кто сейчас живет без матерей и отцов, кто оторван от родного дома и здесь, под гостеприимной кровлей в Северном Вьетнаме, учится, ожидая, когда Вьетнам будет единым, объединенным.

На трибуне девочка-пионерка из Южного Вьетнама:

— Мы не знаем, где сейчас наши папы и мамы, живы ли они, что с ними. Мы были счастливы, когда узнали, что к нам сюда, в Ханой, приезжает делегация из Южного Вьетнама и вместе с ней Хан Ван Бот.

Девочка подходит к Хан Ван Боту, обнимает его, и весь зал поднимается вместе с ними. А боевой командир батальона южновьетнамских войск поднимает пионерку на руки, целует ее. И это напоминает скульптуру Вучетича: воин с ребенком на пьедестале.

На конференции выступали делегаты Лаоса, Камбоджи, Индонезии, Гвинеи... Выступает представитель «португальской» Гвинеи. Он говорит: «Чувство дружбы и солидарности испытывают народы нашей страны к народам Южного Вьетнама. Ваша борьба является нашей борьбой. Ваши победы вдохновляют нас на борьбу и на победу над португальскими колонизаторами. Мы тоже добились больших успехов: мы контролируем половину территории нашей родины. Колонизаторы везде одинаковы. И у нас колонизаторы закапывают в землю живьем людей и разрушают дома, уничтожают урожаи. Но никакая сила не может остановить движение наших народов к свободе!»

Взволнованную речь произносит представитель борющейся Венесуэлы: «Народ Венесуэлы каждую победу Южного Вьетнама расценивает как свою победу. Мы знаем все повадки империалистов, когда они натравливают вьетнамцев на вьетнамцев, венесуэльцев на венесуэльцев. Ваша борьба — это важный пример для победы Венесуэлы. Мы знаем, какие огромные жертвы понесли Советский Союз, Куба, Китай, Алжир и другие страны в борьбе за свободу и независимость. Мы приветствуем борьбу рабочего класса Европы, каждый народ, который борется, помогает друг другу. Мы должны сорвать планы американских империалистов, мы должны мобилизовать народы всех стран на борьбу против империализма».

Горячо встретили участники конференции выступление делегации Советского Союза. Именно в эти дни было опубликовано заявление ТАСС: «Те, кто вынашивает авантюристические планы на Индокитайском полуострове, должны понять, что Советский Союз не может оставаться безучастным к судьбам братской социалистической страны и готов оказать ей необходимую помощь».

Весь мир запомнил Дьен Бьен Фу. Там потерпели бесславное поражение французские колонизаторы. Теперь мир узнал новые слова — Биен Хоа. Там было нанесено крупное поражение американскому империализму. Мы уверены, что если американские агрессоры не уберутся из Южного Вьетнама, то и они получат свой Дьен Бьен Фу!

На конференции выступили представители братских социалистических стран: Польши, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии,— представители международных прогрессивных организаций. Все они говорили о том, что дело свободы народа Вьетнама является делом всего прогрессивного человечества.

И вот конференция закончена. Приняты единодушно решения. Делегаты словно породнились друг с другом.

Группа делегатов конференции уезжает в Хайфон. Там в это время находились два из четырех самолетов советского Красного Креста, оказавшего помощь населению Южного Вьетнама, пострадавшему от наводнения. Мы должны были улететь с этими самолетами. И снова мне вспомнился Вьетнам мая 1957 года, когда по этой же дороге мы ехали в Хайфон. Возле мостов стояли пустые серые французские доты. Доты, из которых бойцы за народное освобождение выбили французских колонизаторов. Тогда было пустынно на полях Вьетнама. Сейчас мы видим большую жизнь народа. Видим красные трудовые знамена госхозов, где работает советская техника.

104 километра от Ханоя до Хайфона. Два часа пути. Но это — как песня трудового Вьетнама, как заря новой жизни, которая поднимается над мужественной страной, где люди работают и знают, что каждый из них является бойцом за свободу и независимость родины.

Мы долго будем вспоминать эту конференцию, будем вспоминать гостеприимный народ демократического Вьетнама, который так сердечно и радушно встретил и нашу делегацию, и делегации остальных социалистических стран, и всех тех, кто приехал для того, чтобы высказать свою волю к освобождению Южного Вьетнама и объединению Вьетнама.

Мы уверены: недалек тот час, когда 17-я параллель перестанет быть демаркационной линией, разделяющей единое тело Вьетнама.

Исполнилось 50 лет ответственному секретарю Советского комитета защиты мира Михаилу Ивановичу Котову.

Судьба человека часто складывается случайно, но в биографии этого видного деятеля советского и международного движения за мир, пожалуй, каждая страница предопределяла нынешнюю его деятельность. И особенно незабываемые годы — 1941 — 1943-й, когда с первых дней Великой Отечественной войны он находился на фронте в качестве военного корреспондента. Между прочим, именно благодаря ему и его соавтору журналисту В. Лясковскому мы впервые прочитали в газетах о героях-краснодонцах. Новая журналистская работа М. Котова рассказывает об Аркадии Гайдаре.

Очень много полезного сделано Советским комитетом защиты мира, ответственным секретарем которого вот уже 14 лет является Михаил Иванович. Всемирный Совет Мира наградил М. И. Котова Золотой медалью мира имени Жолио Кюри. Впереди большая и сложная работа.

Городские власти Турку (Финляндия) установили мемориальную доску в память о пребывании в городе Владимира Ильича Ленина в 1907 году. Снимок запечатлел момент торжественного открытия мемориальной доски.

Имя Чомбе, предателя конголезского народа, вызывает ненависть Африки. В Алжире состоялась манифестация против политики колонизаторов в Конго и против их лакея. В европейских столицах, которые посетил Чомбе во время последнего вояжа, тоже прошли демонстрации с требованием не оказывать гостеприимства убийце.

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Тайм», газеты «Обсервер»

11 декабря на Генеральной Ассамблее выступил глава кубинской делегации Эрнесто Гевара, который посвятил свою речь разоблачению происков империализма против мира. В момент выступления представителя Кубы неподалеку от здания ООН раздался взрыв. Позже выяснилось, что с другого берега Ист-Ривер по ООН стреляли из гранатомета. К гранатомету был прикреплен флаг кубинских контрреволюционеров. Провокация против ООН, которая лишь случайно обошлась без жертв, вызвала возмущение участников сессии Генеральной Ассамблеи. В Америке да и повсюду в мире хорошо известно, что кубинские контрреволюционеры, свившие гнездо в Соединенных Штатах, давно состоят на службе Центрального разведывательного управления.

В Нью-Йорке заседает XIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В ее работе принимает участие делегация СССР во главе с министром иностранных дел А. А. Громыко. В Вашингтоне А. А. Громыко встретился с президентом США Л. Джонсоном. В беседе принимал участие посол СССР в Соединенных Штатах А. Ф. Добрынин. Состоялся обмен мнениями по ряду вопросов, в которых заинтересованы Советский Союз и США.

Среди лауреатов Нобелевской премии этого года два советских ученых-физика — Николай Басов и Александр Прохоров. Этот снимок сделан в Стокгольме, где были вручены премии. Слева направо: Теодор Линен из Мюнхена, удостоенный звания лауреата за работы в области медицины, Николай Басов, английский химик из Оксфорда Дороти Кроуфут-Ходжкинс, американский физик Чарльз Таунс, Александр Прохоров, американский медик Конрад Блох.

В первую годовщину своей независимости Кения стала республикой. Этим шагом молодое африканское государство укрепило свое самостоятельное положение в мире. Лидер Кении Джомо Кениата, много лет возглавлявший освободительную борьбу своего народа, принял присягу, вступив на пост президента республики. Великобритания, бывший колониальный хозяин Кении, вывела из страны все свои войска. Англичанин Малкольм Макдональд, занимавший пост генерал-губернатора Кении, попрощался в аэропорту Найроби с теми, кто провожал его, и отбыл восвояси — навсегда.

Чедди Джаган

На улицах Джорджтауна, главного города Британской Гвианы,— вооруженные английские томми. Английский колониализм устанавливает «порядок» в этой стране. Великобритания уже давно отказывает Британской Гвиане в праве на независимость. Используя свою агентуру, английские колонизаторы ведут борьбу против Народно-прогрессивной партии, выступающей за независимое развитие Гвианы. На выборах 7 декабря Народно-прогрессивная партия, возглавляемая Чедди Джаганом, получила свыше 45 процентов голосов — больше, чем любая другая партия в стране. Однако английское лейбористское правительство изменило конституцию Гвианы и заставило Джагана уйти в отставку. Это уже не первый случай, когда Народно-прогрессивную партию насильно отстраняют от власти. Но раньше это делали консерваторы.

В этом году стал лауреатом Нобелевской премии американский общественный деятель, один из лидеров борьбы за равноправие негров в США, Мартин Лютер Кинг. В Соединенных Штатах он не раз подвергался преследованиям, его сажали в тюрьму. Таким, как он, в США нелегко.

Зато таким, как вот этот, там полное приволье. На фотографии изображен шериф города Меридиана, штат Миссисипи, Лоуренс Рейни. Он один из банды белых расистов, которые летом этого года зверски убили трех борцов за гражданские права негров. Снимок был сделан на предварительном следствии. Как видите, шериф-убийца чувствовал себя там совершенно спокойно и невозмутимо жевал табак. Он знал, что ему нечего бояться. И действительно, Лоуренса Рейни и его сообщников отпустили на свободу, отклонив обвинение в убийстве.

Это кадр из итальянского документального фильма, который называется «Работорговля в сегодняшнем мире». Да, в глухих районах Африки и Среднего Востока и в наши дни по-прежнему торгуют «живым товаром». Робин Моэм, племянник известного английского романиста Сомерсета Моэма, написавший текст к фильму, возлагает вину за этот позор на США, которые обеспокоены лишь своими «широкими нефтяными интересами. Англия ничего не делает, потому что она не хочет обижать Вашингтон».

Генрих БОРОВИК

— Худо! Ах, как худо все в этом мире! Работаешь, работаешь, делаешь добро людям, а никакой благодарности. Наоборот — восстания, демонстрации, волнения. Стекла бьют, ругают на разных языках. Ах, как плохо устроен мир!

Эти стенания раздались недавно со страниц «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», и принадлежат они одному из самых реакционных американских обозревателей, Дэвиду Лоуренсу.

— Мистер Лоуренс, вы ли это? Всегда такой боевой, наступательный, и вдруг — на тебе! Что случилось-то?

ЛОУРЕНС (утирая слезы рукой). **Международное сотрудничество... провалилось в тартарары.**

— Боже мой, мистер Лоуренс, с каких это пор вы горюете по международному сотрудничеству? Ах, вы имеете в виду сотрудничество между западными странами? Понятно! Ну, и что же там у вас приключилось?

ЛОУРЕНС (обиженно поджав губы). **В разных частях земного шара идут маленькие войны... Почему Соединенные Штаты одни должны навьючивать на себя все заботы по поддержанию мира в Юго-Восточной Азии, в частности во Вьетнаме?**

— Ба, старина, вы что-то путаете... Какие уж там заботы о мире!

ЛОУРЕНС (настойчиво, со слезой в голосе). **Почему операции в Конго, призванные спасти граждан Соединенных Штатов и других стран, должны проводиться только бельгийскими войсками?..**

— Ну, ну, Дэвид, только ли бельгийскими?

ЛОУРЕНС (всхлипывает). **...с использованием американских транспортных самолетов? Почему такая** (пауза, подыскивает слово) **гуманная акция официально осуждена советским премьером, как «военная интервенция»?!**

— Кроме Советского Союза вашу позорную акцию осудили многие государства мира.

ЛОУРЕНС (не обращая внимания на наши слова, топает ногами). **Почему ничего не делает ООН?**

— А что же она, по-вашему, должна делать?

ЛОУРЕНС. **Ее обязанность — обращать внимание на угрозы миру и предпринимать коллективные меры, когда в мире серьезные беспорядки.**

— ООН принимала раньше по вашей указке «меры» в Конго. Кроме ненависти всех честных людей, эти меры ничего не вызвали. Может быть, поэтому ООН стала благоразумнее. Вот и получается, что ненависть честных людей мира падает сейчас в основном на голову Соединенных Штатов.

ЛОУРЕНС (тихо всхлипывая, разворачивает редактируемый им журнал). **Вот что сообщают мои корреспонденты** (читает): **«В конце ноября в дюжине столиц четырех континентов прошли демонстрации, восстания, митинги против Соединенных Штатов.**

В Панаме антиамериканские выступления ознаменовали растущее беспокойство по поводу переговоров о будущем Панамского канала.

Японская полиция установила дополнительные посты у посольства США в Токио во время студенческих демонстраций против захода американских атомных подлодок в японские порты.

В Сайгоне вспыхнуло восстание против южновьетнамского правительства, которое поддерживается США.

Но больше всего неприятностей доставила наша миссия в Конго. Митинги и демонстрации прошли в России, Болгарии, Чехословакии, Италии, Египте, Сомали, Кении, Уганде.

Хуже всего дело обстояло в Каире, где 500 студентов сожгли здания библиотеки американской службы информации и еще одно посольское здание...

В Найроби, столице Кении, толпа бросала бутылки с бензином в американские машины и выкрикивала лозунги: «Американцы — дьяволы, убийцы!».

— Ничего не скажешь, худо вам.

ЛОУРЕНС (размазывая слезы по лицу). **Почему Соединенные Штаты в одиночку должны нести это бремя?**

— Действительно. Если заниматься разбоем гуртом, то, глядишь, не все бутылки попадут в американские машины. А так, в одиночку, туго. Неужели никто не поддерживает?

ЛОУРЕНС (доверительным шепотом). **Более того, сегодня мы видим бизнесменов из западноевропейских стран, а также** (с глазами, полными ужаса) **из Соединенных Штатов** (пьет воду), **которые посещают Москву и ведут переговоры о широких финансовых кредитах тому самому правительству, которое подрывает мир в Африке и в Латинской Америке, так же как и в Юго-Восточной Азии.**

— Значит, во всех ваших неприятностях виноваты агенты советской разведки? Ай-ай-ай, Лоуренс! Вам, оказывается, действительно очень плохо. Кстати, вы не пробовали лечить шизофрению голодом? Говорят, теперь найдено новое средство, которое...

ЛОУРЕНС (грубо прерывает). **Объединенные Нации не являются больше эффективным международным инструментом и никогда им не будут...**

— Так, значит, долой ООН?!

ЛОУРЕНС (с металлом в голосе). **Если ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея не принимают мер для поддержания мира, вооруженные силы группы членов могут объединиться на добровольных началах для выполнения вышеназванной задачи.**

— Что-то со скрипом они объединяются. Добровольцев идти на позор что-то не так много нынче. А, Лоуренс?

ЛОУРЕНС (совершенно оправившись, утерев слезы, встав по стойке «смирно»). **Среди свободных наций необходимо руководство, которое организовало бы их в широкий союз для активных действий не только на дипломатическом поприще, но также на экономическом и военном** (с нежностью смотрит на флаг Соединенных Штатов Америки).

— Итак, вы хотите, Лоуренс, выбросить из международного словаря три буквы — «ООН» — и заменить их тремя другими буквами — «США»?

Но на этот вопрос ответа уже нет, ибо здесь кончается статья, из которой мы цитировали высказывания мистера Лоуренса, редактора журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Вывод? Плохо старику. Мильон терзаний.

Фото Д. Ухтомского.

МАСТЕР РАДОСТИ

70 ЛЕТ Ю. А. ЗАВАДСКОМУ

О чем только режиссер не заставляет думать актера!

Больше же всего, пожалуй, о том, как и с чем актеру выходить навстречу зрителю. О все новых и новых, неустанно отыскиваемых секретах сценической выразительности при лепке образов. О новых чертах героя, о его душевной сущности, о свойственных ему чувствах и мыслях, которые надо суметь показать со сцены.

Хотя вот молодой и очень способный (посмотрев «Гамлета» в кино, я бы даже сказал, способнейший) артист Иннокентий Смоктуновский считает, что современный театр нынче требует от актера максимума мысли при минимуме выразительных средств.

Этакая творческая платформа мне кажется не то что парадоксальной, но просто слишком узкой, обидно ограниченной для употребления в искусстве. Я думаю, сцена весьма оскудела бы, а все спектакли стали бы похожи один на другой, если то, что хорошо удается Смоктуновскому, театры вдруг возвели бы, к великому огорчению актеров, а еще большему огорчению зрителей, в некую творческую обязанность или даже систему.

Веяние моды, однако, не бывает долговечно, а многовековая история театра спокойно учит тому, что максимум нужных образу выразительных средств, предлагаемых актером и режиссером, никогда еще не становился и ни при каких обстоятельствах не может становиться помехой для максимального же выражения мысли на сцене.

Напротив!

Ни в коем случае нельзя скупиться на выразительность при показе поворотов судьбы современника, таких внутренних сдвигов, какие определяют становление личности, осмысливающей конфликты, весьма близкие к нашим нынешним дням.

Пример щедрости режиссерской мысли и таланта — спектакли Завадского. Какую пьесу ни избирает Юрий Александрович Завадский, всегда в его режиссерском решении ощутимо сказывается индивидуальность художника, обладающего огромной фантазией и таким же запасом средств сценического воздействия на зрителя.

Ясность, праздничность его режиссуры не исключают, конечно, и суровых красок, трагических интонаций, свойственных, скажем, великолепному спектаклю военных лет — леоновскому «Нашествию». Но в целом она, эта режиссура, словно вобрала в себя оптимизм эпохи, ее поэтическое цветение. Именно здесь и кроется, на мой взгляд, самобытность творческой мысли Завадского, истоки здорового, часто по-молодому озорного мироутверждения художника. Он не устает славить свой век и своего современника, будучи мастером выражения на сцене всех движений человеческой души и ума, особенно же человеческой радости, бережно неся, сохраняя и развивая лучшие традиции своих великих учителей — Станиславского и Вахтангова.

Очень характерно для Завадского, по-моему, что в труднейшую пору войны, в труднейших условиях эвакуации он рядом с «Нашествием», «Фронтом» и «Русскими людьми» выпускает еще и красочный, юношески звонкий «Забавный случай». Удивительно разные, но все одинаково сильные спектакли эти смело могли конкурировать с любым театром по богатству изобразительных средств. И что бы он с тех пор ни ставил — «Антеев» или «Орфей спускается в ад», «Дали неоглядные» или «Бунт женщин»,— он всегда эффектен и сценичен; но за всеми его эффектами неизменно стоит мысль, обращенная к внутреннему миру человека, к духовной жизни героя.

Завадский-режиссер ненавидит малейшие проявления ремесла, особенно же психологическую приблизительность и штамп. И в каждом актере умеет он откопать, разворошить глубинные пласты творчества...

Моя личная актерская работа с Завадским началась более тридцати лет назад. «Мстислав Удалой» Прута, а потом «Гибель эскадры» Корнейчука, «Мещане» А. М. Горького... Сложнейшие пьесы! Ставить же их режиссер должен был с довольно-таки пестрым, разномастным составом актеров.

В работе над спектаклями и родился коллектив единомышленников, пришло драгоценное чувство ансамбля. Осталась же свобода творческих споров, порой очень острых; осталось право отстаивать свое мнение, предлагать свои решения. И это ничуть не снижает авторитета, которым пользуется главный режиссер Театра имени Моссовета, умеющий снова и снова поразить всех глубиной сценических открытий. Только что предложив зрителям совершенно новое, оригинальное прочтение «Маскарада», Завадский уже думает о новом «Отелло»!..

...Старейший город Болгарии — София — на своем гербе начертал: «Растет, но не стареет». Это же можно сказать и о Завадском. И добавить, что он воспитывает в театре сильных режиссеров — А. Л. Шапс, И. С. Вульф,— которые, не копируя учителя, работают над современной темой.

Сейчас модно говорить о всевозможных «современных» стилях режиссуры и актерской работы, об интеллигентности актера и режиссера.

Но почему-то не очень модно нынче говорить о таланте. О мастерстве. Многие из нас, увы, по-прежнему «ленивы и нелюбопытны», как заметил Пушкин,— да и попросту бесхозяйственны в искусстве. А я так думаю, что молодежи надо бы с жадностью учиться у таланта, у мастера, смелее проникать в секреты блистательного театрального умения Завадского, его завидной озаренности.

Перенимать счастливый дар художника, несущего людям радость.

П. ГЕРАГА, народный артист РСФСР

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Редакция обратилась к вам с просьбой сообщить свое мнение об «Огоньке», высказать замечания, пожелания, что бы вы хотели видеть на страницах журнала в 1965 году.

Мы получили много интересных писем, за что сердечно благодарим вас.

Все ваши замечания мы непременно учтем, просьбы и предложения постараемся выполнить.

Ждем новых писем!

Этот номер — последний в нынешнем году. До встречи в 1965-м! Следующий номер «Огонька» выйдет 1 января.

Наши интервью

Творческое соревнование

«Москва — столица нашей родины» — одна из многих зональных художественных выставок, что проходят сейчас по стране. Она является как бы заявкой художников к предстоящей выставке «Советская Россия», которая, в свою очередь, предварит ту большую, праздничную, что посвящена будет 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

К родному дому отношение всегда особое. Ему принадлежат наши привязанности, любовь, но и особая взыскательность. Сейчас в Центральном выставочном зале экспонируются две с половиной тысячи произведений московских художников, посвященных нашей столице.

Из них более четырехсот живописных полотен. Они рассказывают о напряженной, трудовой, насыщенной событиями жизни родного города.

Радует, что каждый художник стремится отыскать в облике, жизни, истории Москвы особенно дорогой ему и близкий сюжет.

Многие обратились к революционному прошлому города. И на выставку работами Дмитрия Феоктистова, Игоря Радомана, Николая Терещенко и других широко вошла ленинская тема.

Недавние выпускники Суриковского института Никита Федосов, Михаил Кугач, Алексей Соловьев открыли увлекательный для живописца край — новый облик производства: проходные, ставшие светлыми, нарядными вестибюлями, заводские цеха, украшенные цветами.

Они успешно поработали и выставили ряд картин из жизни Московского комбината имени Свердлова.

Большая группа художников нашла свои сюжеты в подмосковном городе науки — Дубне. Ряд интересных портретов ученых написали там Константин Максимов, Михаил Каноян, Владимир Ленивцев.

Лирик Николай Ромадин к выставке создал столь редкие у него городские пейзажи — «Тверской бульвар», «Фрунзенская набережная». И его влюбленная в природу кисть сочно писала зелень деревьев, окруживших многоэтажные здания.

Картины «не на тему» попали на столичную выставку за свои высокие художественные достоинства, за правдивость и сердечность, за талант их авторов — Аркадия Пластова, Владимира Стожарова, Юрия Кугача,— горячо любящих русский край.

Говорят, в спорах рождается истина. Мне думается, что в творческом соревновании вот таких несхожих между собой талантов, как Аркадий Пластов, Георгий Нисский, Гелий Коржев, Юрий Кугач, Виктор Иванов, Владимир Серов, Виктор Цыплаков, рождается и побеждает будущее нашего искусства, во имя которого мы все и трудимся. А значит, рождаются и наши завтрашние успехи.

Василий **НЕЧИТАЙЛО**

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «МОСКВА — СТОЛИЦА НАШЕЙ РОДИНЫ»

Л. Щипачев. ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ.

М. Канаян. ТЕОРЕТИКИ.

И. Попов. НАШ ДВОР.

Петер КАРВАШ

Рисунки Е. Ведерникова.

Милейший человек

Павел Валко — милейший человек. Будь у меня выбор — стать министром, чемпионом мира в тяжелом весе или милейшим человеком,— я без колебаний выбрал бы последнее. Откровенно говоря, мне страшно обидно, что у меня нет никаких шансов стать милейшим человеком. Одно утешение — таких, как я, на свете немало. Больше того, пожалуй, единственный рекордно милейший человек, которого я знаю, это мой сослуживец Павел Валко. Всю жизнь он словно прохаживается в райском саду. Даже не прохаживается, а перелетает с цветка на цветок, наслаждаясь их красой и упиваясь сладчайшим нектаром. Делает он это грациозно, привычно, с милой улыбкой.

Сослуживцы женского пола, слегка краснея, говорят, что в Павле есть неотразимое обаяние, сослуживцы мужского пола считают его умным и находчивым, дети его обожают, и все в один голос твердят: «Без Павлика было бы так скучно!» Да, говорю вам, десять лет жизни я отдал бы за то, чтобы стать милым человеком... Особенно охотно те десять лет, которые мне испортил Павел Валко!

Когда он поступил в наше учреждение, я обрадовался.

— Привет тебе,— говорю,— Павел Валко, рад тебя видеть здесь! Если тебе понадобится содействие, заходи ко мне в пятнадцатую комнату.

Черта лысого нужно было ему мое содействие! Через день он уже хлопал по плечу заведующего отделом и игриво трепал по щеке машинисток; каждый день его ктонибудь подвозил на машине или звал на обед, комнату он снял у молодой вдовы, рабочее место получил самое лучшее во всем корпусе. Наши сотрудники, встречаясь в коридорах, говорили друг другу:

— Ты еще не знаешь Павла Валко? Милейший человек! Пойдем, я тебя познакомлю.

Неважно, что я уже четыре года тщетно ждал, что мне достанется светлый, просторный и теплый кабинет, который отвели Павлу Валко. Полнейший вымысел, что мне нравилась та вдова, его квартирохозяйка! Что же касается заведующего отделом, то он туповатый субъект, и я никогда не искал его дружбы. Но я не мог не задуматься, почему Павлу всегда кто-то ставит на стол вазочку с цветами, а у меня даже пыль не сотрут как следует. Почему, когда на учрежденском вечере объявляют «дамский танец», Павлика чуть не рвут на части, а меня приглашает только моя секретарша на последние восемь тактов — явно для того, чтобы в субботу я отпустил ее пораньше к жениху, в Пиштяны. Я не завидую, нет, просто меня давно интересуют социально-психологические проблемы.

Пытался я подражать Павлу Валко: резво, как жеребенок, вбегаю утром в канцелярию и еще в дверях восклицаю:

— Приветик, Гита, как выспалась? Понравился тебе вчера Жерар? А чулочками интересуешься? Роскошный нейлон!

Но моя сотрудница воззрилась на меня так испуганно, что я растерялся и поскорее уехал в город «по служебным делам».

Иногда я ставил себе на стол белоснежный анемон в вазочке за три восемьдесят, но загадочным образом эта самая вазочка на третий день оказывалась на столе Павла Валко, только с более красивым алым цветком. А когда я однажды пришел на службу в оригинальном пятнистом свитере (Павел ходил в таком целые дни), в комнате воцарилось такое зловещее безмолвие, что я счел бы великим облегчением, если бы подо мной разверзлась бездна и поглотила меня на веки веков.

Но бездна не разверзлась, а Павел Валко продолжал носиться по учреждению, щедро и непринужденно расточал улыбки, очаровывал уборщиц, подкупал швейцаров, соблазнял машинисток, развлекал директоров, сиял довольством, как маяк, и прямо-таки танцевал по жизни. Не то чтобы я ему завидовал, но меня, человека, в поте лица зарабатывавшего свой хлеб, это как-то нервировало, наводило на размышления. Чем глубже я задумывался, тем больше меня раздражала открытая, сероглазая, тупоносая, русоволосая симпатичная физиономия Павла. К тому же я был в известной мере выше его по служебному положению, материалы от него поступали ко мне, я их обрабатывал вместе с другими и направлял высшему начальству. А Павел, что уж греха таить, работничек оказался никудышный.

Вызвал я его и говорю:

— Павлик, душа моя, с вагонами у тебя какая-то чепуха. Погляди сам: шесть вагонов в день, сколько будет в месяц?

Павел призадумался над сводкой, замигал, потом уставился на меня, глаза его широко раскрылись, веснушчатая физиономия расплылась в восторженной улыбке.

— В самом деле! — прошептал он с нескрываемым восхищением.— Надо умножить! — Он схватил меня за руку и крепко пожал.— Вот это идея!.. Спасибо тебе,— сказал он пылко.— Спасибо, я никогда не забуду этой услуги! — В дверях он обернулся.— А если у меня, осла, еще что-нибудь не получится, можно тебя побеспокоить?

Разумеется, я охотно согласился. Через неделю он зашел ко мне.

— Не сердись, старик, но что-то у меня опять не ладится с этими сволочными вагонами. Не хочу тебя беспокоить, но...— Он долго оправдывался.

Не ладилось у него не только с вагонами. Я провозился над его отчетом часа два.

— Ну, раз уж я здесь,— небрежно сказал тем временем Павел, с интересом глядя в окно,— не найдется ли у тебя сотенки в долг? Завтра я обязательно верну! Просто я забыл дома кошелек. Дашь? — И он простецки улыбнулся. Милейший человек!

На другой день он не заходил ко мне, а через четыре дня принес работу на целый вечер: мне пришлось приводить в порядок всю его недельную отчетность, в ней был невообразимый сумбур. Зайдя ко мне, чтобы забрать ее, он вдруг засмеялся:

— А ведь я должен тебе сотню! Совсем забыл! Уж ты не сердись. И почему только сам не скажешь? — И, заняв у меня еще пятьдесят крон, заверил: — Завтра, честное слово, отдам!

Несколько дней он не появлялся, потом позвонил мне по телефону, хотя его кабинет был в том же коридоре. Ему, мол, страшно стыдно, что он до сих пор не отдал мне долга, он не спал всю ночь, никогда еще в его жизни такого не бывало, честное слово! И он попросил меня быть в пять часов на углу Новоградской и Тренчанской улиц, он мне передаст деньги, нужно же ему наконец успокоить свою совесть. Я уверял его, что дело терпит и я всегда охотно выручу его, но он упорно стоял на своем. Я прямо-таки чувствовал, как он там, бедняга, сгорает со стыда.

От пяти до половины седьмого я ждал его на углу, твердо решив, что мы по-дружески сообща пропьем деньги, которые он вернет. Но Павел не пришел. Наутро я узнал, что вчера он уехал в командировку в Прагу и вернется через неделю.

Когда он приехал, я зашел к нему.

— Привет, старик! — закричал Валко бодрым и звучным голосом. Он сидел за столом, окруженный молодежью, преимущественно женского пола.— Что скажешь хорошего? — Я смутился.— Ну, ну,— подбадривал он меня.— Говори, не стесняйся, при них можно, это все мои друзья.— И он мило улыбался.

Это была трудная минута.

— Нет, ничего особенного,—пробормотал я наконец.— Просто так, зашел проведать. что, думаю, поделывает Павел Валко.

Я повернулся и заметил, что кто-то хихикнул у меня за спиной.

Тут вдруг Павел сказал:

— Погоди, погоди, ведь я тебе кое-что должен, верно?

Я стал отнекиваться, но Павел строго прикрикнул:

— Нет, нет, дружба дружбой, а денежки врозь! — И широким жестом положил на стол две десятки.

Я взял их, чтобы покончить с этой нелепой сценой, и поспешил ретироваться.

Через несколько минут Павел зашел ко мне, как ни в чем не бывало, подбросил мне свою работу и, уходя, сказал:

— К половине двенадцатого управишься?

Я хрипло напомнил ему о разнице между ста пятьюдесятью и двадцатью кронами. Он удивился и тотчас искренне развеселился.

— Ого, да ты тертый калач!— И захохотал.— Ладно,— заключил он дружеским тоном.— Дай-ка мне еще семьдесят, и будет ровно две сотни.

Через несколько дней Валко занял у меня еще сто крон, а вскоре на людях отдал пятьдесят, причем выглядело это так, словно он мне дает в долг последние деньги. Другой раз он сказал:

— Ну вот, отдам тебе еще сорок семь крон, и будем в расчете.

А через несколько дней никак не мог вспомнить, кто, собственно, кому должен: он мне или я ему. Узнав, что он — мне, Павел обрадовался, потому что для него, мол, страшно утомительно помнить своих должников.

— Если я забуду,— сказал он, непринужденно улыбнувшись,— ты без всяких церемоний бери меня за горло! Да еще требуй проценты!

Работа, которую Павел все время подбрасывал на мой стол, становилась мне не по силам. Собственно, я бы вполне справлялся с ней, если бы нужно было только выполнять его обязанности. Но беда была в том, что мне приходилось, кроме того, устранять тот хаос, в который он приводил отчетность в те недолгие минуты, когда делал вид, что работает. После долгих колебаний и подготовки я наконец выложил ему свое мнение в выражениях, обычных для приятелей и добрых знакомых.

Павел страшно обиделся.

— Ладно,— сказал он.— Если жалкие четыре сотни для тебя дороже друга... (За это время он еще раз занимал у меня деньги, якобы для больной тети, и в тот же день растранжирил их на цветы для новой директорской секретарши.)

Я пытался внушить ему, что долги здесь ни при чем, речь идет о работе. Но он твердил свое о деньгах и о том, что не нуждается ни в чьих благодеяниях. Потом выбежал и вернулся с двумя сотнями — одной совсем рваной,— положил их на стол и хотел выйти. Я с трудом упросил его взять деньги обратно. Он уступил, но лицо его не прояснилось. Через два часа он заглянул ко мне и осведомился сухим, служебным голосом:

— Ну что, еще не готово? О господи, как ты возишься!

Я заверил его, что уже кончаю, но еще долго потел над отчетностью, пока докопался, что в брутто отправленного нами товара Павел включил вес локомотива.

Валко стал популярнейшим человеком во всем учреждении: он и завкультсектором, и секретарь спортивной секции, и организатор кружка современных танцев и хороших манер. Две девицы чуть не выбросились из-за него в окно, каждая ревнуя к другой. Павел организовал общеучрежденский бал с лотереей и кострами в ночь на Ивана Купалу, шествие с фонариками и состязание — кто больше съест мороженого. По неведомым причинам его стали приглашать на совещания в дирекцию, именовать «товарищ консультант», посылать в командировки в Прагу. Ему повысили оклад и к кругу его обязанностей прибавили какие-то туманные «особые поручения».

У меня тем временем ужасающе увеличилась нагрузка, потому что Павел стал приносить мне еще и работу других сотрудников, которым он хотел угодить. Однажды я несколько ночей напролет трудился над отчетом, который тремя днями раньше поручил своей секретарше.

Положение стало нестерпимым, и только этим я объясняю, что не сдержался и однажды, при удобном случае, намекнул директору, что товарищ Валко ведет себя странно.

— Странно? — переспросил директор, подписывая груду писем, о содержании которых он, разумеется, не имел представления, стараясь не выронить сигарету изо рта.— А чем странно, дорогой мой?

Я вкратце объяснил ему, в чем дело.

— Ну, дорогой мой,— улыбнулся директор, продолжая подписывать, как на курьерских.— Он брал у вас в долг? А у кого он не берет? Мне он тоже должен. Иной раз просит вас помочь ему по работе? Подумаешь, важность! Он и ко мне обращается с просьбами, я ему иду навстречу. Ведь он милейший человек!

Я попытался привлечь его внимание к моральной стороне дела.

— Ну, ну, ну! — Директор подписывал прямо-таки вскачь, рекордно повышая скорость и предельно снижая разборчивость подписи, что, несомненно, имеет свои преимущества, когда подписываешь письма, которых не читал.— Не так уж все это страшно! Я лично люблю веселых людей, людей с открытой душой, полной заразительного оптимизма и дружеского расположения. Стареете вы, мой дорогой, стареете на глазах!

Я удалился и предался трезвым размышлениям. Павел Валко у всех занимает деньги, думал я, он бесцеремонно сел на шею всему коллективу, многие о нем такого же мнения, как и я. Стало быть, пора выступить и раскритиковать Павла Валко. Мне это подобает больше других, потому что он мой старый и добрый приятель и мне не безразлична его судьба.

Что на уме, то и на языке. Я выступил на собрании и был даже ошеломлен результатом: какого духа я выпустил из бутылки! Все оказалось много хуже, чем я себе представлял: несчастному Павлу задали жаркую баню, о нем говорили как о безответственном пустозвоне, лгунишке и хвастуне. Невозвращенные сотенные бумажки вознеслись над его щегольской шевелюрой, подобно парашютам в день авиации. Речь зашла даже о прелестной вдове и о моей секретарше,— последнее было совсем удивительно, ведь у нее официальный жених в Пиштянах... Наконец, многозначительно говорилось о каких-то незаконных подписях, накладных и расписках... В общем, над Павлом Валко разразилась настоящая буря, и я думал, что не сносить ему головы.

Почему-то его не уволили немедленно. Более того: не могу даже припомнить, было ли что-нибудь против него предпринято. Похоже, что ничего, но, несомненно, я ошибаюсь. Факт остается фактом: Павел продолжал приходить в свой уютный кабинет, организовывал восхитительные «венецианские ночи» под лозунгом «Все силы на досрочное выполнение сельхоззаготовок!» и лотереи, в которые можно было выиграть подписку на «Ведомости областного совета»,— в общем, процветал по-прежнему.

Во мне вновь взыграло чувство справедливости, и в разговоре с директором я опять поднял вопрос о товарище Валко и выводах, которые следовало бы сделать из строгой, но справедливой и обоснованной критики по его адресу.

Директор на сей раз не подписывал бумаги, а разговаривал по телефону. Делал он это, если можно так выразиться, полифонически—бурно распределяя свой темперамент и слова между тремя телефонными аппаратами. Не относя на свой счет фразу о том, что «с этой задержкой разгрузки вагонов получается совершенное безобразие и дело кончится плохо», я понял из разговора, что Павла Валко нельзя мерить общим мерилом, он по натуре художник, он имеет право поступать по вдохновению, не говоря уже о том, что сердце у него золотое, он милейший человек, чудесный товарищ и вообще...

Я сдержанно изложил свою точку зрения.

— Ну да, мой дорогой,— сказал директор между несколькими репликами об эшелонах с пшеницей, о том, что, мол, «нечего на меня наседать», и теоретическим пояснением насчет валютных операций.— Надо же прощать людей! Ну, конечно, он наломал дров. Но ведь мы все не без греха, верно? А Валко — человек доброго сердца!

Я возразил, что здесь попахивает статьями закона.

— Слушайте,— раздраженно отозвался директор.— Клепаете на товарища, и совесть вас не беспокоит!.. Это я не вам, не вам! — крикнул он в телефон, но тотчас махнул рукой.— Впрочем, и вам тоже!

Когда я уходил, директорская секретарша насмешливо смерила меня взглядом и сказала только одно слово:

— Сухарь!

Нелегкая началась у меня жизнь! Сослуживцы косились и говорили со мной только официальным тоном, бумаги на мой стол не клали, а швыряли, многие стали обращаться ко мне на «вы», швейцар перестал покупать для меня булку с ветчиной, а на рождественский вечер мне «по недосмотру» не послали приглашения.

— Обижать такого человека! — возмущенно заявила мне моя секретарша.— Такого милого человека! — И на мои слова о том, что я сам очень расстроен, она отре-

зала: — Что заварили, то и расхлебывайте! — а потом горько расплакалась из сочувствия — отнюдь не ко мне, а к «затравленному» мною Павлу Валко.

Павел тем временем расцветал, как розовый куст. Вальсируя, он поднимался по служебной лестнице, жил не по средствам, переехал в загородный квартал (тоже к вдове, но с фруктовым садом, бассейном и шелковым халатом, оставшимся от покойного мужа), чаровал людей, выигрывал в лотерею, сиял на милю в окружности, прибавил шесть кило, приобрел шесть каратов и получил пять новых общественных нагрузок.

Но я не терял надежды на то, что «бог правду видит», или, научно говоря, что история скажет свое слово. И мне суждено было дождаться этого!

В один прекрасный день к нам нагрянула ревизия и обнаружила, мягко говоря, крупные непорядки. Нечего и говорить, что все ниточки вели к Павлу. Над его головой нависли такие грозные тучи, что, казалось, молния неизбежна.

Но вышло иначе. Над Павлом вдруг вознесся целый лес громоотводов. Павел укрылся за ними, стал совсем незаметен. Поступило столько ходатайств, просьб и поручительств за него, что туча разразилась всего лишь небольшим дождем, а о громе-молнии не могло быть и речи. Под этим дождиком Павлу Валко удалось умыть руки. Его не только не отправили, куда Макар телят не гонял, но, собственно, все осталось по-прежнему. Я понял это, когда встретил его.

Павел стал неузнаваем: пятнистый свитер бесследно исчез, галстук был не с изображением Эйфелевой башни, а в солидную серую крапинку. Валко не шествовал, пританцовывая, как прежде, а шел тихонько, как босой на похоронах, не искрился остротами, а скромно помалкивал, сжав губы сердечком. Весь он стал небывало тихий, даже ботинки не скрипели, взгляд его был смиренно опущен или столь же смиренно возводит горе, унылая шевелюра свисала на скорбное чело. Сердце сжималось при взгляде на этого несчастного человека.

— Павел, — участливо спросил я, — что с тобой?

— Душа у меня болит, — тихо ответствовал он. — Я виноват, страшно виноват. — Он поглядел на меня из-под набрякших век. — Перед тобой виноват тоже.

— Ну, что ты, что ты, друже! — Я смутился. — Все это неважно... Работай, старайся исправиться.

Мне было так жаль Павла, что я по собственной инициативе кредитовал его еще ста пятьюдесятью кронами, чтобы он мог рассчитаться с долгами. Очень меня растрогал его вид, я долго не мог прийти в себя от жалости и сочувствия.

Вскоре Павел вернул мне целых тридцать крон.

И все-таки работал он по-прежнему из рук вон плохо.

— О чем ты думаешь? — мягко сказал я ему. — Набедокурил ты достаточно, постарайся же теперь исправить дело. Ведь ты висел на волоске!

Тотчас меня объявили жестоким, бездушным человеком. Сослуживцы ходили за мной и восклицали:

— Поглядите на Павлика Валко, в каком он состоянии! Зачем вы еще его мучаете? Не видите разве, что он и без того страдает?!

Директор раздраженно сказал мне по телефону, чтобы я не затруднял товарища Валко ненужными придирками и не использовал своего служебного положения для сведения с ним личных счетов. Сослуживцы дали мне понять, что им милее виноватый и глубоко несчастный Павел Валко, чем десять таких образцовых, но бездушных и нечутких работников, как я. Стол Павла превратился в заправский цветник.

Павел ходил, как мученик-небожитель, опустив взор долу и чуть ли не распространяя запах ладана. Каждым, кто его видел, неудержимо овладевало глубокое сострадание и симпатия к этому страстотерпцу.

Я же предпочел бы — видно, сам дьявол нашептывал мне это, — чтобы Валко просто р а б о т а л. В глубине души мне хотелось, чтобы он бросил играть комедию, научился работать, изменил свой характер, начал жить честно. Но глубина души — это частное дело каждого, а по службе я просто требовал от Павла выполнения его прямых обязанностей.

И что же? Это и было причиной моего краха! Меня объявили антиобщественником, формалистом, эксплуататором, врагом человека. Оказывается, я коварно критиковал Павла, хотя — сколь уличающее обстоятельство! — в подавляющей части его отчетности преобладал мой почерк. Меня не остановило даже его мучительное раскаяние, а ведь виновником его мук тоже был я! Что делать с таким чудовищем, человеконенавистником, отравителем колодцев и палачом рода человеческого?

Нет, меня не уволили. Нашелся человек, который выступил в мою защиту: это был... Павел Валко.

— Дорогие друзья, — сказал он. — Все это правда, страшная правда, но не судите да не судимы будете! — Он напомнил о моем долголетнем опыте работы в нашем учреждении и упомянул об ужасающих трудностях, которые ждали бы меня на другом поприще. — Пусть же упорным трудом докажет, что способен исправиться! — прочувствованно воскликнул Павел.

Он говорил долго и проникновенно, его слушали с волнением, со слезами на глазах, а когда он кончил, грянули рукоплескания. Вот это человек! Золотое сердце!

Ко мне снизошли. Я остался на том же месте, и даже работы у меня не прибавилось, потому что моим начальником стал Павел Валко. А меня перевели на его должность. Жизнь у него по-прежнему такая, словно он прогуливается в райском саду, но теперь это, видимо, рай магометанский — там больше наслаждений.

Иногда Павел хлопает меня по плечу и одобряюще говорит:

— Если тебе что-нибудь нужно, заходи прямо ко мне, не стесняйся, ведь мы старые друзья.

И действительно, изредка я обращаюсь к нему, и он идет мне навстречу, устраивает, организует. Милейший человек да и только!

Вспоминается мне народная мудрость: «Божья мельница мелет медленно, но верно» [1]. Я твердо уверен, что это надежная мельница. Но иногда она мелет так медленно, что, право, мука, пожалуй, заплесневеет, пока дождешься свежего каравая.

Перевел со словацкого Юр. МОЛОЧКОВСКИЙ.

[1] Соответствует русской поговорке: «Бог правду видит, да не скоро скажет» (пер.).

Янез СЕРПИН

Самая звездная ночь

Вся в искрах снежных,
Как в хрустале,
К людям,
Празднична и светла,
Самая звездная ночь на земле —
Новогодняя ночь пришла.

Над шахтным копром,
Над таежной рекой,
Лучами соединяя года,
В каждом доме над хвоей густой
Ярко вспыхивает звезда.

Над башней седой — сквозь
ночную метель, —
Над звоном курантов,
Ветрами омыт,
Как будто венчая огромную ель,
Рубин кремлевской звезды горит.

И снежинка, что в старом году
родилась,
А ляжет на землю в новом году,
В неслышном полете мягко лучась,
Похожа на маленькую звезду.

Арташес ПОГОСЯН

Мак

Над головою
Небо расцвело,
Лучи мерцают,
молоды и скоры.
Восходит солнце
звонко и светло.
И вслед за ним
В снегах восходят
Горы.

Взлетает алым парусом
Восток,
И день встает.
И вместе с ним проснется
Червонный мак,
Сияющий цветок,
На тонкой ножке
маленькое солнце.

Но день уйдет.
Устанет солнце греть.
Растают горы.
Смолкнет рог пастуший.
Лишь красный мак
останется гореть
Над горизонтом,
к полночи потухшим.

О, пусть горит
Тот крохотный маяк
В твоей душе,
пусть свет его несется!
Пять лепестков,
Горящий дикий мак,
Не осыпайся,
маленькое солнце!

Перевел с армянского Анатолий ЗАЯЦ.

Неразлучные друзья — таксисты, хористы, солисты и конферансье Саша Водолагин и Толя Игнатьев.

Если мама ушла за вещами и оставила сына водителю, она может быть спокойна: в его арсенале найдется и колыбельная.

Для регулировки автомобильных сигналов тоже нужен музыкальный слух.

В начале были сплошные перегибы. Сверху дали разнарядку — выделить на праздник песни человек шестьдесят. На дверях проходной появилось объявление, но добровольно собралось лишь полтора десятка певцов. Тогда директор парка дал команду — выделить из каждой бригады по пять человек и прибыть в клуб во главе с бригадирами на спевку. Крик поднялся невообразимый — представьте себе сотню разбушевавшихся таксистов! Основными двумя музыкальными темами в этом нестройном хоре были: «Что вы нам тут консерваторию устраиваете?» и «План горит, петь не с чего!»

Но председатель месткома, такой же водитель, как и все, Александр Петрович Цыбан, добродушнейший здоровяк, вдруг закусил удила — им уже безраздельно завладела идея таксистского хора.

— Вы будете петь или вы будете плакать! — провозгласил он и уговорил директора не выдавать бунтарям путевки на выезд.

Первый результат: шум переместился из гаража в клуб. Второй: нехотя запели. Так как окончательно еще не успели сорвать голоса, что-то стало получаться.

Удивились. Очевидно, это и явилось первопричиной сплочения.

Расширялся репертуар, крепли голоса, выявились солисты — целых семнадцать человек. Через год начали брать призовые места. Теперь уже попасть в хор стало непросто — учитывался не только голос, но и рекомендация бригады: вступил в силу лозунг «Петь поешь, а план даешь?»

Почуяв свою силу, решили взяться за вещи посерьезнее. Руководитель — хормейстер Борис Васильевич Шичкин предложил разучить «Закувала та сива зозуля». И началась титаническая работа — три месяца ювелирной шлифовки. Нелегко было осилить безукоризненное украинское произношение: хористы подобрались разноплеменные — русские, украинцы, армяне, грузины, греки и даже один турок.

И когда потом грянула «Зозуля» на всесоюзном смотре в Кремлевском театре, зал замер. Легко и свободно лилась эта сложнейшая хоровая песня.

Из Москвы возвращались с дипломом, и на груди у каждого сверкала медаль лауреата. Заняли почти весь самолет и такой галдеж подняли, что пилот вышел из своей кабины наводить порядок. Но тишины так и не наступило до самой посадки — в воздухе был дан концерт по заявкам экипажа корабля. А в Сочинском аэропорту ждала торжественная встреча: коллеги встречали своих друзей мощным ревом сигналов, и из Адлера в Сочи помчался необычный кортеж — двадцать пять такси, в которых пассажирами ехали сплошь таксисты.

Такова вкратце история мужского хора сочинского таксомоторного парка. Недавно ему присвоено звание народного; поет он теперь и классику и просто песни, поет могуче, многоголосо и удивительно музыкаль-

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

И что вы думаете! Отпустил!..

А теперь решили создать хор мальчиков. Кандидаты — сыновья таксистов. Идет прослушивание.

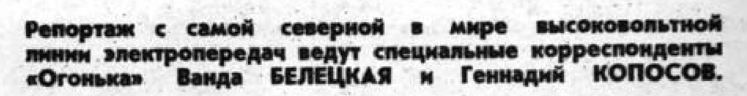
но. Исполняет песни и собственного сочинения. К ста хористам теперь прибавился оркестр народных инструментов—еще двадцать человек. Понадобился для «Славься» звон колоколов—пожалуйста: соорудили целую звонницу из автомобильных поршней — народ изобретательный. А вот клуб теперь тесен стал — дирижер на сцене, а хор с оркестром весь зал занимает, для зрителей места нет. Новый нужен клуб, просторный.

Казалось, ну что такое пение? А люди изменились — хористы теперь лучшие производственники. И не случайно, наверное, что одного из них, Ивана Курбатова, народ послал своим представителем в краевой Совет. Сдружились ребята за эти три года, выходные вместе проводят — выезжают с семьями за город отдыхать. И чтобы пропустить спевку или концерт — ни за что на свете. Был однажды случай: задержался один на линии, опаздывал на концерт. Нажал, грешным делом, на газ поусерднее, превысил скорость. Автоинспектор и остановил. Взмолился парень: на концерт опаздываю, если нужно, наказывай, только побыстрее. А тот и сам хорист — поет в милицейском хоре. Вошел в положение, отпустил.

И такая встреча не случайна: Сочи город вообще поющий — на празднике песни сводный хор насчитывает до семи тысяч человек.

А если такси здесь оборудовать громкоговорителями, то город буквально зазвенит песнями: ведь в каждой второй машине водитель — певец.

Репортаж с самой северной в мире высоковольтной линии электропередач ведут специальные корреспонденты «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ и Геннадий КОПОСОВ.

ОБХОДЧИКИ ОГНЕННЫХ ДОРОГ

— Стой!

Лязг вездехода смолкает. Холодная тишина ночной тундры обступает нас. Кажется, будто снег приглушил все живое.

— Еще минута — и покатились бы с обрыва,— доносится из темноты голос начальника.

В небо взлетает зеленая ракета и каким-то театральным светом озаряет тундру. Так и есть, обрыв. Значит, сбились с дороги...

В кузове вездехода пятеро. Три монтера-высоковольтника и мы, корреспонденты «Огонька».

Знаете, бывают путевые обходчики на железных дорогах? В летний зной и пургу, днем и ночью идут они по линии, проверяют, все ли в порядке. И поэтому вовремя и без аварий проносятся по железным дорогам поезда.

Но бывают обходчики других путей — электрических. Они следят за проводами и мачтами электропередач. И поэтому ни на минуту не гаснет свет в далеких городах и поселках, бьется сердце машин.

Наш путь — обычный рабочий обход самой северной в мире высоковольтной линии электропередач, идущей в маленький заполярный городок Дудинку. Отключи линию зимой— и городок погрузится в холод и тьму; прекрати подачу тока летом — и остановится работа порта, который за короткие дни северной навигации должен обеспечить всем необходимым целый район, огромный металлургический комбинат.

Вот почему так важна стокилометровая высоковольтная линия, идущая в тундре, ТЭЦ — Дудинка.

...Выезжаем утром. Красные фонари, указывающие дорогу, едва светятся в молочной смеси тумана и метели. Если кому трудновато, так это нашему молодому водителю Владимиру Корнееву. Впрочем, и ему пока не очень трудно. Просто туман, снег залепляет ветровое стекло, не видно дороги.

За спиной остались заснеженный автобус, выносливый «газик», застрявший на подъеме самосвал. Дальше дороги нет. Дальше поедем мы одни. Дальше тундра и очень много озер, покрытых ломким еще льдом.

Вездеход бросает из стороны в сторону. Он ревет, стонет, сердится на кочки и пригорки. Едем медленно. Останавливаемся у каждой опоры. Там, в вышине, по туго натянутым проводам непрерывно льется электрический ток. На линию заведен паспорт. Высоковольтники отмечают все болезни линии: подгнила древесина опор, перегрелись провода, разбились изоляторы...

Опор на нашем участке 517. Каждую надо осмотреть самым придирчивым образом: не притаилась ли где будущая авария. С каждой опорой связана своя история, иногда героическая, иногда смешная.

— Юрка, на свой памятник залезай сам,— стараясь перекричать металлическое рычание вездехода, орет Дмитрий Смирнов.

Митя Смирнов — наш земляк, москвич. Он приехал в Заполярье совсем зеленым юношей на годик, посмотреть, что же это такое. «И вот не может наглядеться уже одиннадцатый год»,— шутят товарищи. Дмитрий — курносый, веселый, разговорчивый и удивительно ловкий. Лазит по опорам, как кошка. Кажется, что и пояс и «когти» ему ни к чему. Впрочем, это так и есть. Однако он их каждый раз хоть неохотно, но надевает: технику безопасности нарушать нельзя.

Памятник Юрия Грицаева ничем не отличается от остальных 517 опор.

Юрий выпрыгивает из кузова и, увязая по пояс в снегу, идет к опоре. После утренней оттепели она обледенела. Наверное, трудно

509-й — полный осмотр!

ему взобраться в метель и такой ветер.

— Да нет, это нормально. Вот был случай, когда Юрке действительно досталось...

И мы узнаем, почему опору № 261 назвали памятником Грицаева.

...Это было 5 декабря, в праздничный вечер. Юрий Грицаев с компанией монтеров ехал в гости к мастеру-высоковольтнику Франку Ивановичу Гурскому. Хотели собраться, встретить праздник, выпить.

На остановке автобус заполнили строители, окончившие смену. «Не позавидуешь вам, ребята,— сочувственно сказал тогда Юрий.— Работать в такую погоду на открытом воздухе!»

И правда, мороз был 44 градуса да ветер метров 20 в секунду.

Только приехали, за стол сесть

Нам лаконично и весомо отвечают: «Тундра».

Кажется, не успело развиднеться, а уже опять стемнело. Будто ночь неохотно отошла на короткое время в сторону, чуть постояла и заторопилась обратно.

И тут — обрыв! Егор Платонович Боярский — старожил этих мест, лучше всех знающий дорогу,— идет на разведку. А высоковольтники держат совет. Можно дальше не ехать, заночевать в тундре. Ехать опасно, лед на озерах еще хрупок. Но тогда засветло не успеют осмотреть линию от Косой до Дудинки.

Решают ехать вперед! Тем более, что эта часть электролинии в полной исправности. Прошлой зимой тут был капитальный ремонт. С ноября до мая жили люди в палатках, в передвижных балкáх. Мастера Николай Яковлевич Ко-

Обедаем на станции «Тундра». Три деревянных домика взяты в плен снегом. Около домов виляют хвостом ездовые собаки — неприхотливые труженики, спокойные, сильные и доверчивые.

— Идите обедать ко мне, у меня не заперто,— окликает нас молодая темноволосая женщина в клетчатой шали.— А я, извините, бегу на дежурство.

Она протягивает всем по очереди маленькую, крепкую руку, завязывает потуже шаль на голове и уже на ходу объясняет, где горячий чай и хлеб, где стоят стаканы и спрятаны вилки.

Мы даже не успели познакомиться. Уже потом узнали ваше имя, милая дежурная со станции «Тундра»! Тамара Черепанова, нам хочется, чтобы вы узнали, как тепло говорят о вас высоковольтники и геологи, все кочевники, ко-

снегом. Вторые сутки нашего пути подходят к концу. За дорогу мы сдружились и уже многое знаем друг о друге.

Владимир Корнеев, красивый, кареглазый и кудрявый, самый молодой в нашем экипаже, но держится солиднее всех. А вот Юрию Грицаеву на свою солидность наплевать. Он упрямый, отчаянный, азартный.

Грицаев раньше работал монтером, потом его перевели в диспетчерскую. Но деятельная натура непоседы не выдержала («Я понимаю: это ответственная работа, но не могу я весь день только кнопки нажимать да по телефону разговаривать»), попросился в Талнах, на монтаж новой линии...

Вездеход резко вздрагивает. Нас раскидывает в разные углы. Водитель дает задний ход, и мы слышим предательский хруст

Опять стемнело. Опять снег залепляет ветровое стекло. Опять не видно дороги...

Наконец-то первые кустики! Это на второй день пути по заснеженной тундре.

не успели — вбегает начальник. «Ребята! Дудинка без света. Авария. Где-то провод порвало!»

Кто еще не выпил — те налево, поедут в тундру. Кто успел хоть к рюмке прикоснуться (а ведь был праздник!), нельзя: суровый закон техники безопасности.

Надел Юрий на модный костюм тулуп, ноги в валенки — и на линию. А попробуй найди, где провод оборвался на стокилометровом пути, в ночь, в метель!

Шли, держась друг за друга. Ветер порвал провод в районе наиболее сильной вибрации, за Кайерканом. Участок отключили.

Юрий полез на опору. Не такто легко соединить провода при таком морозе и ветре!

Два часа ремонтировал Юрий провода. «Слезай!» — кричат ему.

Сняли его товарищи, притащили в дрезину, навалили на него тулупы. Он чуть полежал и опять полез наверх.

А еще через час в Дудинке загорелся свет, заработали на строительстве машины, стало опять тепло в домах.

...Сейчас только средняя пурга — и все. Градусов пятнадцать мороза. И тулупы и валенки лежат в вездеходе без дела.

— Зачем их взяли? — спрашиваем мы.

валенко, Франк Иванович Гурский, Анатолий Иванович Зыбин буквально по месяцам не бывали дома. А жить в тундре зимой...

Совсем стемнело. Егор Платонович уже не влезает в машину. Он идет впереди, указывая путь. Все чаще взлетают в небо зеленоватые ракеты. Вездеход идет почти наугад в черно-белую муть тундры.

Оставшийся участок пути километров в восемь мы проезжаем за три часа!

...Второй день пути. Как будто никогда не было метели. Как будто ее вообще не бывает в этих местах. Похолодало. Вот и пригодились тулупы.

Краешек холодного зеленовато-желтого солнца чуть показывается из-за горизонта. Солнце — и зеленое! Такое увидишь только в тундре.

— 509-й — полный осмотр.

Останавливаемся. Дмитрий Смирнов старательно выстукивает «пасынки» на опоре, прислушивается к вздохам ставшей на морозе хрупкой, как стекло, древесины, проверяет изоляторы. Недовольно хмурится: на проводе сосулька. Возможно, перегрев проводов. А если так, значит, это резерв для будущей аварии. В паспорте отмечают: прислать ремонтников.

торые бродят по тундре. Они знают: в умывальнике налита для них теплая вода и лежит чистое полотенце. Они знают, где спрятан хлеб и где стоят стаканы. Они все находят сами, пока вы на дежурстве. И уезжают, не сумев сказать вам спасибо.

Когда уже собрались уезжать, вдруг мигнул и погас свет в одном из окошек дома. Где-то ветер оборвал провод.

Конечно, это не дело высоковольтников — ремонтировать свет в домах. Тут хозяйство Дудинки. Надо позвонить туда со станции, вызвать монтера. Он приедет завтра и все сделает. А нам надо к вечеру вернуться обратно на ТЭЦ.

Но оставить без электричества домик в тундре тоже нельзя. Смирнов и Грицаев ищут место аварии. Через час все в порядке. Можно ехать дальше.

Еще далеко до вечера, а небо уже налилось вечерним свинцом. Несколько минут мир был желтым, потом позеленел и начал быстро синеть. Ничего не поделаешь: считанные дни остались до наступления полярной ночи.

Заканчиваем осмотр линии. Скоро пойдет участок, проверенный вчера.

В ветровое стекло вездехода бьется ночь, иссеченная частым

льда. Под гусеницами машины медленно проступает черная вода.

— Может, тут неглубоко,— неуверенно говорит Егор Платонович.

Машина скользит, не подается назад. Владимир резко включает газ. Рывок — и вездеход, отфыркиваясь и простуженно сопя, выползает на берег.

— А я думал, откроем купальный сезон! — шутит Дмитрий.

Наконец выезжаем на дорогу, по краям которой светятся огни фонарей...

* * *

Вот и закончился наш путевой обход. Там, в тундре, за сто километров от ТЭЦ, мирно светятся огни маленького северного городка — Дудинки. Работают машины, хозяйки включают электроплитки и утюги, в кафетериях аппетитно булькают электрические кофеварки.

А нам жаль расставаться с людьми, оберегающими все это,— обходчиками электрических дорог. Мы стоим около машины, пытаясь оттянуть минуту прощания, еще раз зачем-то пожимаем друг другу руки и медленно, неохотно расходимся...

«МЫ НЕ СДАЕМСЯ, ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ!»

Редакция получила ряд откликов на выступление генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, опубликованное в 47-м номере журнала «Огонек» за 1964 год.

Выполняя пожелания читателей, мы обратились к автору воспоминаний с просьбой сообщить подробности о гибели и мнимой измене командующего 28-й армией генерал-лейтенанта В. Я. Качалова.

Ниже публикуем ответ М. Ф. Лукина.

В самом конце июля 1941 года восточнее Смоленска оказались в окружении две армии: 20-я под командованием генерал-лейтенанта Курочкина и 16-я, которой в то время командовал я. Незадолго до этого обе армии вели наступление на этот важнейший стратегический пункт и старинный русский город. В ходе этого наступления нам удалось ворваться в его северную часть и захватить вокзал. Однако немецкое командование подбросило к Смоленску свежие силы, и наше наступление захлебнулось. Мы вынуждены были отойти, враг нанес удар нам в тыл, и мы оказались в кольце. (В скобках замечу: 4—5 августа мы вырвались из окружения.) Для облегчения нашего чрезвычайно тяжелого положения и для того, чтобы еще раз попытаться овладеть Смоленском, 1 августа из района Рославля начала наступление группа войск 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Качалова.

Наступление этой группы заранее было обречено на неудачу: слишком уж большие силы врага — два армейских и один моторизованный корпус (всего 9 дивизий) — противостояли трем нашим дивизиям.

Тем не менее весь личный состав армейской группы и сам ее командующий, руководимые старинной солдатской заповедью «сам погибай, а товарища выручай», сделали все, что было в их силах, чтобы прорваться к городу и облегчить положение двух окруженных армий.

Выполнить эту задачу генерал-лейтенанту Качалову не удалось. Немецкие соединения перешли в контрнаступление, прорвались в районе Рославля и окружили группу войск 28-й армии.

Последний акт трагедии разыгрался на командном пункте генерала В. Я. Качалова, который в тот момент, когда немецкие танки были уже рядом, сам бросился в танк в отчаянной попытке выйти из окружения.

Как я уже рассказывал в своих воспоминаниях, лишь в плену я узнал, что генерал Качалов не сдавался врагу, а был убит в танке прямым попаданием снаряда. Но в то время, в 1941 году, об этом никто еще не знал. О генерале ходили самые различные слухи, которые глубоко огорчали меня: генерал Качалов был моим старым боевым товарищем, с которым мы дрались на фронтах гражданской войны. Мы виделись с ним в мирное время. А в дни боев под Смоленском он шел ко мне на выручку. Скажу по совести, я ни на минуту не мог поверить в то, что Владимир Яковлевич оказался изменником...

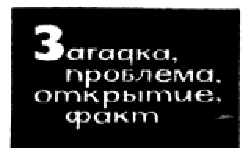
Наконец пришел приказ Сталина, в котором генерал Качалов обвинялся в измене. Кроме того, в официальных разъяснениях, переданных мне членами военных советов армий, которыми я впоследствии командовал (16-й — дивизионным комиссаром Лобачевым, 20-й — корпусным комиссаром Симановским, 19-й армии — дивизионным комиссаром Шеклановым и бригадным комиссаром Ванеевым), перечислялись вырвавшиеся из окружения лица, бывшие вместе с генералом Качаловым в последние часы сопротивления группы войск 28-й армии. Эти лица, как говорилось в разъяснении, и сообщили о мнимой измене генерала Качалова.

В то время Сталину было крайне необходимо найти козлов отпущения, на которых можно было бы свалить вину за наши неудачи в первые дни войны. И тем, кто дал показания против генерала Качалова, поверили на слово. Уже после опубликования моих воспоминаний в журнале «Огонек» я встретился с бывшим военным прокурором 28-й армии, который сообщил, что ни он, ни председатель Военного Трибунала армии не были во время последнего боя на командном пункте генерала В. Я. Качалова и не давали показаний о его исчезновении. В это время прокурор армии и председатель Трибунала с группами офицеров и бойцов прорывались сквозь кольцо окружения, пока наконец не вышли к своим. Таким образом, информация, которой я располагал, оказалась неточной, и я в своих воспоминаниях неправильно назвал должности лиц, которые находились на командном пункте группы войск 28-й армии в тот момент, когда к нему прорвались немецкие танки. Пользуясь случаем, я исправляю эту свою ошибку.

Сразу же после смерти Сталина я пошел в Министерство обороны, доложил о том, что генерал Качалов погиб, и попросил снять с него и с генералов Понеделина и Кириллова необоснованные обвинения. Через некоторое время мне позвонили и сообщили, что семьи генералов Качалова, Понеделина и Кириллова, обвиненных в измене в начале войны, приказано возвратить в Москву.

После развенчания культа личности Сталина генерал В. Я. Качалов и другие необоснованно обвиненные в измене высшие офицеры Советской Армии были полностью реабилитированы.

**Генерал-лейтенант в отставке
М. Ф. ЛУКИН**

АТОМ ДЛЯ МИРА

Растет ядерная энергетика нашей страны.

На Белоярской атомной электростанции имени И. В. Курчатова полным ходом идет сооружение второго блока, который увеличит ее электрическую мощность в три раза.

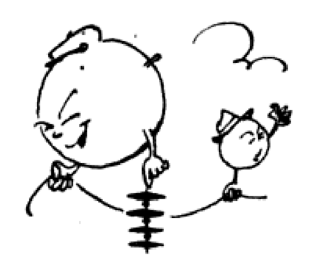
Вступает в строй первая очередь Ново-Воронежской АЭС — 210 тысяч киловатт, начато строительство второй очереди — 365 тысяч киловатт.

Атомная энергетика Сибири, рассчитанная на 600 тысяч киловатт, перекрыла проектные задания.

Мощность атомных электростанций Советского Союза в 1964 году более 900 тысяч киловатт.

ИСКУССТВЕННЫЙ ДОЖДЬ

До последнего времени ученые считали, что лучше всего вызывает осадки распыление в атмосфере йодистого серебра. В Австралии исследователи нашли другое, более дешевое соединение — метальдегид. Оно тоже содействует образованию кристалликов льда и, будучи рассеянным в воздухе, может вызывать атмосферные осадки — град, снег, дождь.

ШАР-СТРОИТЕЛЬ

Японское общество электрификации ведет сейчас монтаж высоковольтной линии электропередач через пролив Наруто. При строительстве используются воздушные шары. Дело в том, что сильное течение и большая ширина пролива не позволяют применять обычные методы монтажа высоковольтных линий над водными преградами. Буксирный трос и провод высоковольтной линии подвешиваются к воздушным шарам, наполненным легким газом. Шары укрепляются через каждые 20 метров.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ МОСТ

Самый длинный в Европе мост сооружается в Нидерландах в устье реки Восточной Шельды. Его длина — пять километров. Мост стоит на пятидесяти бетонных и стальных опорах. Он сократит путь между Роттердамом и Миддельбургом на 60 километров. Окончание строительства предполагается в 1965 году.

НЕОБЫЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ

«Наш электронный мозг высчитал, что расходы по осуществлению вашего проекта составят 25 тысяч фунтов стерлингов»,— писала лондонская фабрика электроприборов одной бирмингемской фирме.

«А наш электронный мозг подсчитал, что расходы будут значительно выше, — ответили бирмингемцы. — Поэтому предлагаем устроить встречу наших роботов, чтобы они лично договорились по данному вопросу».

РОБОТ ПРИХОДИТ В ЦЕХ

Давно прошли те времена, когда роботы были героями фантастических произведений.

На прошедшем конгрессе, организованном американским Обществом автомобильных инженеров, одной из фирм «Юнимэйшн» демонстрировался новый робот. Рука робота в значительной степени может выполнять функции руки человека, а мозг запоминать 200 последовательных команд. Этот мозг управляет рукой в соответствии с полученными инструкциями.

К руке робота крепятся различные инструменты для выполнения тех или иных производственных операций. Такими инструментами могут быть захваты для переноса различных деталей, гаечные ключи и отвертки.

Кроме управления роботом, запоминающее устройство может быть применено для управления другими машинами. Так, например, после того, как робот поместит обрабатываемую деталь под пресс, мозг приводит в действие и сам пресс.

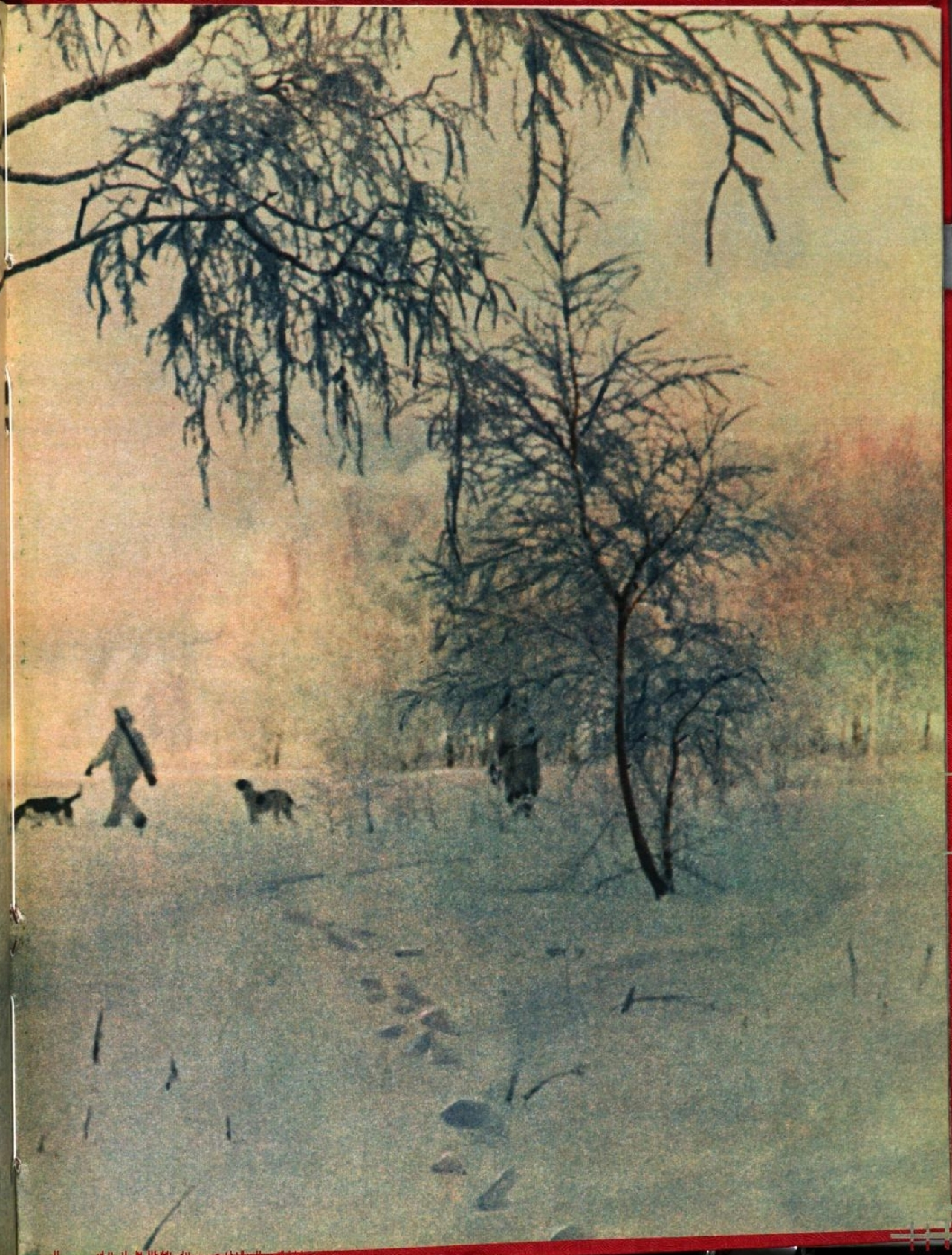
Ребятам раздолье.
Фото А. Бочинина.

Гаснет зимний день...

Фото М. Савина.

БУДЬ МУЖЕСТВЕННЫМ!

Герой Советского Союза, Заслуженный летчик-испытатель Сергей Николаевич Анохин отвечает Андрюше Любимову.

В редакцию журнала «Огонек» пришло письмо от Людмилы Петровны Любимовой из Казани. Она пишет:

«Дорогая редакция!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: помогите моему сыну поверить в жизнь. Мой сын Андрюша случайно проткнул глаз гвоздем, торчащим в заборе. Сколько пришлось передумать, чтобы суметь хорошо объяснить ребенку, что у него удалили глаз и он остался с одним глазом.

Придя из больницы, Андрюша сказал: «Мамочка, а мне бы лучше умереть, чем жить с одним глазом». Я стала его утешать, рассказывать про инженеров, актеров, которые живут и работают с одним глазом. «Да ведь я-то мечтал стать летчиком, как Валерий Чкалов»,— ответил Андрюша. И тут я вспомнила о летчике-испытателе Сергее Анохине. О нем было написано в «Огоньке». Анохин потерял глаз и продолжал испытывать самолеты. Я рассказала о нем Андрюше... Не зная адреса Анохина, очень прошу передать это письмо ему. Хочется, чтобы он откликнулся».

Корреспондент журнала «Огонек» А. Голиков передал это письмо Герою Советского Союза, Заслуженному летчику-испытателю СССР Сергею Николаевичу Анохину. Сергей Николаевич посвятил авиации более тридцати лет. Испытывал в воздухе похожие на ракеты сверхзвуковые истребители, стратегические бомбардировщики, пассажирские лайнеры, спортивные самолеты, планеры различных типов.

Вот что ответил Заслуженный летчик-испытатель Андрюше Любимову:

«Дорогой Андрюша!

Я отлично понимаю тебя. И у меня вначале было много горьких мыслей. Как со мной случилась беда? Вскоре после Великой Отечественной войны я испытывал на прочность истребитель. Полет, в общем, был несложным, но при выходе из пикирования у машины оторвалось крыло. Я начал открывать фонарь кабины, чтобы выброситься с парашютом. Но меня с такой силой ударило головой о край кабины, что я на мгновение потерял сознание. Когда очнулся, фонаря уже не было, самолет со свистом и воем, кувыркаясь, падал, и меня безжалостно швыряло в кабине. С большим трудом удалось мне выбраться из беспорядочно падающего самолета.

Открыл парашют, спускаюсь, вижу землю плохо, как-то необычно. Сильный ветер быстро нес меня над землей. На такой скорости можно получить сильные ушибы при приземлении. Хотел развернуться лицом по направлению сноса, но левая рука не повиновалась, висела как плеть. К счастью, я попал в неглубокий пруд.

Вышел на берег и без сил опустился на землю. Очень болела рука: она оказалась сломанной. Наконец я понял, почему мне так плохо и неудобно смотреть: видел у меня только один глаз.

В госпитале врач сказал, что рука заживет, а вот с глазом дело хуже. Несмотря на старания врачей, его пришлось удалить. Помню первый день после операции, наполненный тяжелыми раздумьями. Мне было тяжелей, чем тебе, Андрюша: у тебя жизнь впереди, а я уже тогда был зрелым испытателем и добивался этой профессии долго, упорно. В начале 30-х годов работал шофером автобуса, а вечерами занимался в Московской планерной школе. Там мы сами строили планер, потом на нем учились летать, прыгать с парашютом. От одной мысли, что больше никогда не придется сесть за штурвал нового самолета, щемило сердце.

Но и тогда мне не приходило в голову, что «лучше умереть, чем жить с одним глазом». Наоборот, Андрюша, я думал, как справиться с бедой. Почему, собственно, нельзя летать с одним глазом? Американец Вилли Пост в свое время установил рекорд скорости, выполнил кругосветный перелет. Советский летчик-испытатель Борис Туржанский потерял глаз в Испании, сражаясь с фашистами. Вернувшись на родину, он продолжал успешно испытывать самолеты. Ну, а потом летал же на истребителе во время войны Алексей Маресьев и в воздушных боях сбивал гитлеровские самолеты!

Я решил: буду продолжать летать! К этому стал готовиться сразу, как только зажили раны и срослась сломанная рука. Врачи направили меня набираться сил в Крым. Там я составил себе специальное расписание. День начинался гимнастикой. Я вбегал на крутую прибрежную скалу и делал упражнения, укрепляющие мышцы корпуса, плеч, рук... Потом спускался к морю и долго плавал.

Но, чтобы снова стать летчиком, мне надо было научиться видеть одним глазом, как двумя. Уверен, что ты научишься этому гораздо быстрее и легче. Детский организм лучше приспосабливается. Мне же пришлось много потрудиться и, пока не привык, уставал смотреть. А ведь летчику надо обладать глубинным зрением, то есть правильно определять расстояние до земли при посадке самолета. Вот я и добивался, чтобы глубинное зрение у меня восстановилось.

Для этого после завтрака я уходил на прогулку в горы и целыми часами подбрасывал и ловил камешки. Сначала ловить было нелегко: никак не мог правильно определить расстояние до падающего предмета. Эта тренировка очень помогала. В другом упражнении помогали товарищи. Устанавливали рядом две палки, потом одну из них выдвигали и спрашивали, которую. Я научился видеть одним глазом, как двумя, снова стал полноценным летчиком-испытателем.

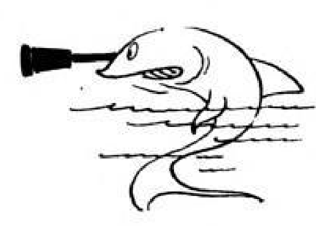
С тех пор я еще двадцать лет испытывал в воздухе новые конструкции самолетов. В том числе и сверхзвуковые. И ни разу зрение меня не подводило.

Не подводило меня зрение и при аварийных ситуациях, когда приходилось выбрасываться с парашютом. Даже при довольно сложных обстоятельствах, как, например, однажды во время испытания тяжелого корабля. Машина загорелась и могла ежесекундно взорваться. Я дал команду экипажу катапультироваться и, когда весь экипаж покинул самолет, решил катапультироваться сам. Но механизм катапультного сиденья отказал. Тогда я решил покинуть самолет через люк второго летчика. Стал выбираться через него. И вижу, если просто выбрасываться, то попадешь прямо в двигатель и погибнешь. Я схватился за самолетную антенну, встречный воздушный поток подхватил меня и бросил к хвосту самолета. В свободном падении раскрыл парашют и благополучно приземлился. И тут зрение меня не подвело.

Конечно, растут скорости самолетов, летать на них становится сложнее. Но вместе с этим развивается и техника, появляются приборы, которые облегчают труд летчика. Я уверен, что к тому времени, когда ты, Андрюша, вырастешь, то сможешь летать не только над землей, но и отправиться в космос.

Не надо, Андрюша, отчаиваться! Занимайся спортом, хорошенько учись, и ты, несомненно, станешь тем, кем захочешь».

Загадка, проблема, открытие, факт

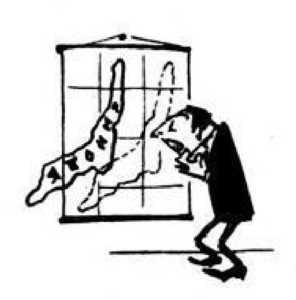
ТАЙНА АКУЛЫ

У акул очень слабо развиты зрение, обоняние и слух. И просто удивительным казалось, как этим морским страшилищам, лишенным основных чувств, удается найти и поймать свою жертву. Тайну раскрыли американцы Дональд Нельсон и Самюэль Грубер. Они установили, что акулы замечают свою добычу с помощью весьма чувствительных органов, расположенных вдоль тела, которые воспринимают самую незначительную вибрацию воды. Это открытие указало на интересный способ охоты на акул. Через воду пропускается ток низкой частоты, в 60 герц. Вибрация заманивает акул в ловушку.

НОВЫЙ ВИДЕОФОН

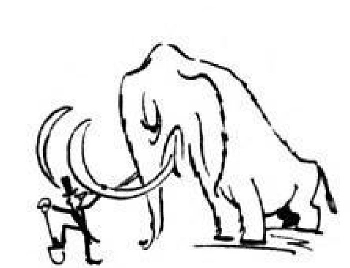
На 6-й Международной промышленной выставке в городе Осака демонстрировался созданный японскими конструкторами телефон с фотоустройством, позволяющим абонентам видеть друг друга. Видеофон может быть подключен к любому телефонному аппарату.

От известных ранее устройств видеофон отличается тем, что для работы использует существующую телефонную проводку. А ведь для других систем нужно два телевизионных кабеля и приемо-передающее телевизионное оборудование. В конструкции видеофона имеется фотокамера на транзисторах, она преобразует изображение в видеосигналы. Те, в свою очередь, автоматически преобразуются в фотографическое изображение на бумаге с помощью электростатического печатающего устройства.

ЯПОНИЯ ДВИЖЕТСЯ?

Шеф метеорологической службы в Токио профессор Масахиса Торао специальными измерениями установил, что Японский архипелаг движется в сторону Азиатского материка со скоростью 18 сантиметров в год. Открытие вызвало еще большее удивление, когда Торао высчитал, что Япония одновременно удаляется от американского континента ежегодно на 40 сантиметров. Куда деваются оставшиеся 22 сантиметра движения архипелага, не выяснено.

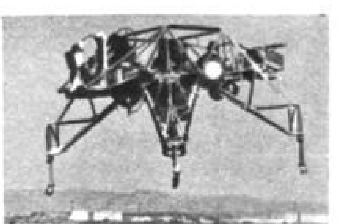

МАМОНТЫ В АНГЛИИ

Недавно группа английских палеонтологов сделала в карьере цементной фабрики в графстве Эссекс интересное открытие. Там оказались остатки слонов и мамонтов, которые пролежали в земле 100—200 тысяч лет. Кости этих доисторических животных по праву займут место в Лондонском природоведческом музее.

ДЛЯ ПРИЛУНЕНИЯ

В штате Калифорния (США) проведены испытания специального устройства, которое ученые предполагают использовать для будущего приземления на Луну.

Скоро зажгутся огни новогодних елок. К празднику Московский завод стеклянных елочных украшений приготовил много игрушек. Разрисовщица Надя Морозова проверяет готовые игрушки.

Фото А. Бочинина.

ПИСЬМО В САНТЬ

Репортаж ведет наш специальный корреспондент Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Урок русского языка.

Вечер. В холле гостиницы установлена школьная доска. Возле нее присел человек и старательно выводит мелом русские слова: «Я работаю, ты работаешь...» Сидящие вокруг него пишут эти же слова в тетрадях.

Довольно неожиданная ситуация для гостиницы! Я останавливаюсь. Знакомимся. Оказывается, что все, кто здесь, приехали с Кубы. Их восемь человек и две переводчицы.

— Что вы делаете в Алма-Ате? — спрашиваю.

— Сейчас занимаемся русским языком, а вообще приехали сюда работать и учиться строить,— отвечает тот, кто писал на доске.

— Если вас интересует наше пребывание здесь, просим завтра утром поехать с нами на завод,— добавляет переводчица, давая понять, что разговор надо заканчивать, иначе урок будет сорван.

Утром заводской автобус везет нас на работу. Все в спецовках. С трудом узнаю своих вчерашних знакомых.

Вот что рассказали кубинские товарищи. Все они из Сантьяго-де-Куба — столицы провинции Ориенте, провинции, больше всего пострадавшей от урагана, который в прошлом году обрушился на Кубу. Советские люди оказали дружескую помощь. На остров был прислан комплект оборудоаания для завода крупнопанельного домостроения.

И пока завод монтируется, его руководители — главный строитель, начальники цехов — изучают производство на алма-атинском домостроительном комбинате.

Наш автобус едет по улицам нового района города Алма-Аты. За три года здесь поселилось около 250 тысяч жителей.

— Вот такие будем строить дома, вот такой будет у нас город! — говорит Листон Гриффитс, смотря в окно.

Автобус останавливается во дворе завода. Идет смена. У кубинцев много друзей. Они здороваются и расходятся по цехам.

...Перед отъездом в Москву я пришел проститься. Кубинские товарищи писали письма на родину. Мое предложение опубликовать одно из писем в журнале «Огонек» было встречено с восторгом. Вот оно, это письмо:

«Товарищ Наварро!

Пишем тебе из Алма-Аты — прекрасной столицы Казахской республики, куда мы недавно приехали изучать технологию строительства сборных жилых домов.

Здесь у нас было много приятного: мы ознакомились с большими районами, застроенными крупнопанельными домами, здесь мы впервые потрогали своими руками хлопья снега.

Трудно описать, с каким вниманием к нам тут относятся.

Незабываемы наши впечатления от заключительного концерта декады русской литературы и искусства, проводившейся здесь. Это был замечательный концерт! Хотелось бы, чтобы ты сам мог увидеть все то, о чем можно было бы рассказать в этом письме.

До встречи на Кубе.

С революционным приветом

А. Рамос, Ф. Фернандес, П. Суарес, Р. Эстева, Сандова, Р. Беллот, В. Наварро, Листон Гриффитс».

— Вот такой будем строить город!

ЯГО-ДЕ-КУБА

Много нужного может рассказать заместитель главного инженера В. П. Грицай.

На работу.

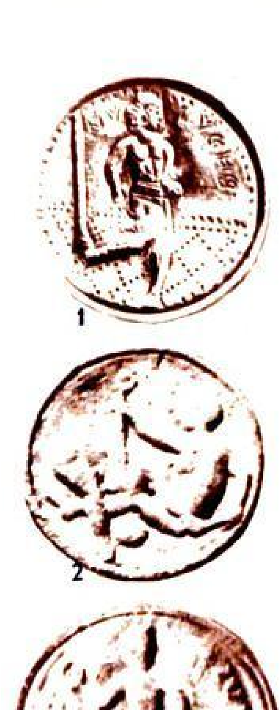

Главный строитель Листон Гриффитс должен уметь сам сваривать арматуру.

← Дайте сюда переводчицу!

Говорит история

1

2

3

4

5

ПРЕДКИ СПОРТИВНЫХ МЕДАЛЕЙ

Около 1 500 лет назад в Древнем Риме изготовляли особые медные жетоны. На многих из них изображены различные состязания, которые наглядно иллюстрируют спортивную жизнь в те давние времена.

Так, на дорожке стадиона (или же на арене цирка, где тоже выступали атлеты) демонстрировали свой класс бегуны. На одном жетоне показан древнеримский скороход, позади которого находится поворотный столб (рис. 1).

На другом жетоне представлена борьба (рис. 2). Большую популярность у римлян снискали кулачные бойцы: даже по ходу спектаклей в театрах почему-либо заскучавшие вдруг зрители начинали настойчиво требовать выступления боксеров. Один из них — на жетоне — внизу изображены награды — венок и пальмовая ветвь (рис. 3).

Те же награды получали и отличавшиеся в борьбе с хищными зверями, когда ловкость вооруженного человека одерживала верх над ловкостью пантеры, льва, кабана или медведя (рис. 4). Но чаще изуродованным борцам приходилось просить о быстрейшей смерти, и из милости их добивали на глазах у зрителей.

Однако самым распространенным состязанием в Риме были конные бега на колесницах (рис. 5).

Любопытна причина, по которой физкультурные жетоны появились лишь в IV—V столетиях, а не раньше.

В эти века одерживали верх воззрения христиан, предавших анафеме всю предшествовавшую культуру человечества. Сторонники же прежней, языческой культуры пользовались еще достаточным влиянием: они устраивали в Риме многолюдные зрелища — состязания и в пику отцам церкви пропагандировали спорт с помощью специально выпускавшихся памятных или призовых жетонов.

«С алфеевых на невские брега»

Летом 1766 года в Петербурге были проведены спортивные состязания. На Дворцовой площади построили большой деревянный ипподром — амфитеатр, и с его скамей «знатнейшие персоны» чинно взирали на происходящее. На поле ипподрома выказывали ловкость в верховой езде «кавалерственные мужи», которые на скаку срубали головы манекенам и пронзали чучела зверей. А придворные дамы соревновались в беге на парадных экипажах, щеголяя не столько умением управлять лошадьми, сколько пышностью своих нарядов.

Среди призов были золотые и серебряные именные медали. Изображенная на них богиня реки Невы самолично наблюдала за невиданным доселе зрелищем, а парящий орел увенчивал амфитеатр победными лаврами. Надпись «С алфеевых на невские брега» подчеркивала преемственность этих состязаний от игр древней Олимпии. Как рассказывали греки, юный герой Пелопс первым одержал победу в конных соревнованиях. На берегу реки Алфея, на месте финиша героя, в 680 году до новой эры был сооружен ипподром, а состязания верхом и на колесницах вошли в программу Олимпийских игр...

Таким-то вот образом первая современная Олимпиада, несмотря на всю ее курьезность, состоялась почти 200 лет назад, и тогда же, оказывается, были выпущены первые наградные олимпийские медали.

Вл. БРАБИЧ,
научный сотрудник Государственного Эрмитажа

В память олимпиад

Мы провожаем 1964-й, олимпийский год. Дважды в этом году спортивные страсти потрясали мир — один раз в феврале, в дни IX Белой олимпиады в Инсбруке, а другой раз — в октябре, когда проходили летние XVIII Олимпийские игры в Токио. Вот два снимка, запечатлевшие две яркие олимпийские победы.

Советский скороход Антс Антсон промчался последние метры полуторакилометровой дистанции и, уже за финишем упав на лед, узнал от одного из своих товарищей, что завоевал золотую медаль!

Восьмидневная борьба легкоатлетов в Токио завершилась победой Валерия Брумеля. Он оставил на втором и третьем местах двух лучших американских прыгунов в высоту — Д. Томаса и Д. Рамбо.

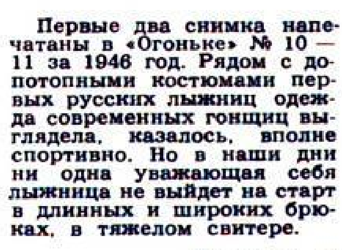
РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

ЭВОЛЮЦИЯ КОСТЮМА

Первые два снимка напечатаны в «Огоньке» № 10—11 за 1946 год. Рядом с допотопными костюмами первых русских лыжниц одежда современных гонщиц выглядела, казалось, вполне спортивно. Но в наши дни ни одна уважающая себя лыжница не выйдет на старт в длинных и широких брюках, в тяжелом свитере.

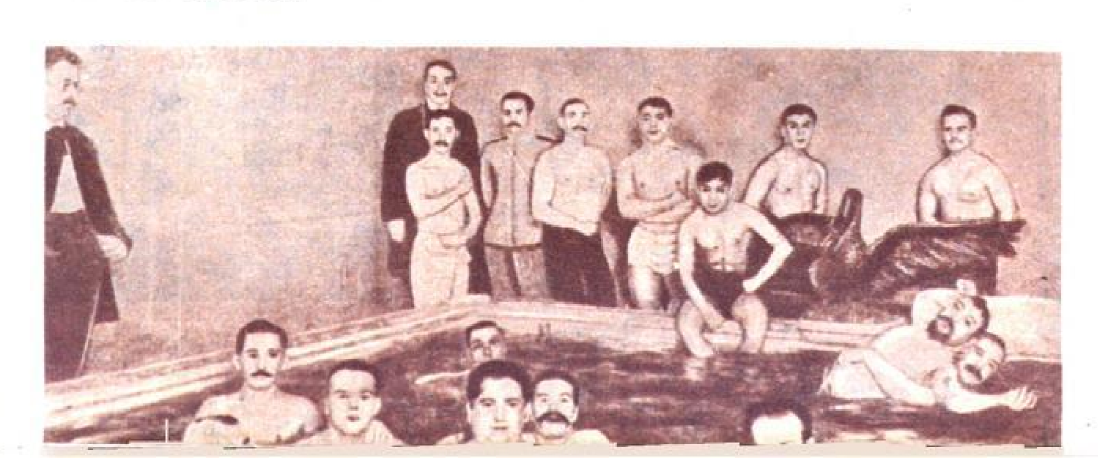
Вот как экипирована современная лыжница.

ПЕРВЫЙ БАССЕЙН

Этот снимок появился в одном из номеров «Огонька» за 1913 год. Репродукцию прислал нам читатель нашего журнала В. Припутнев со следующей припиской:

«Тысячи квадратных метров занимают в наше время голубые поля, на которых летом и зимой проводятся спортивные баталии по водному поло, прыжкам с трамплина и т. д. Многочисленные любители плавания и начинающие имеют возможность заниматься спортом даже в зимние морозы. Но это сейчас! А раньше? Первую попытку организовать школу плавания в зимнем бассейне сделал в 1913 году в Петербурге знаменитый в то время пловец Романченко. В одной из петербургских бань был устроен бассейн, о величине которого можно судить по этой фотографии.

10 ноября 1913 года состоялось открытие этого микробассейна, в котором принял участие писатель А. И. Куприн. На снимке: в центре — организатор школы плавания Романченко, справа — борец Шварцер и Куприн, слева наблюдает за пловцами писатель С. Г. Скиталец».

Не верь зеркалам

Инна ГОФФ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Повесть воспоминаний

Глава десятая

В конструкторском бюро его называли сокращенно, с оттенком дружеской фамильярности,— Граф. В техническом паспорте у Графа значилось: «Компрессор ГрВП двадцать дробь восемь с графитовыми уплотнениями представляет собой поршневую двухступенчатую машину Крейцкопфного типа двойного действия с угловым расположением цилиндров: цилиндр первой ступени — вертикальный и цилиндр второй ступени — горизонтальный. Компрессор оборудован промежуточными и концевыми холодильниками и имеет водяное охлаждение».

Танька пришла в дикий восторг, поймав обрывок телефонного разговора о цилиндрах для Графа. Когда Дима положил трубку, она долго теребила его, расспрашивая о Графе и цилиндрах. Он смеялся, отмахивался, наконец принялся объяснять, но вскоре почувствовал: дочке уже скучно слушать его. Потом он жалел, что не сумел заинтересовать Таньку, воспользоваться случаем и рассказать ей о своем заводе, о тропических машинах, идущих на экспорт в дальние страны — на Кубу, в Индонезию, в Индию, на Цейлон.

Что поделать — он не был говоруном. Теперь с Графом покончено: из Усть-Каменогорска, где головной образец, изготовленный на заводе по рабочим чертежам их КБ, проходил испытания, получена телеграмма — испытания завершены успешно. Теперь можно выпить за Графа, за его долгую жизнь. Для этого и собрались они сегодня в маленькой квартире у лаборантки Симы Белокриницкой. Муж Симы, инженер отдела главного технолога, один из создателей графитного компрессора, был послан на Кубу в качестве инженера-наладчика с партией компрессоров. Сима предложила, чтобы собрались у нее. Вино и закуски купили в складчину, при этом с вином явно перестарались. Вскоре за столом стало шумно, к потолку потянулось голубое марево папиросного дыма. Пили за Графа, кто-то, вконец распоясавшись, именовал его уже «Ваше сиятельство».

Потом запели «Куба, любовь моя, Куба, ты слышишь, Куба», и Сима заплакала. Он смотрел на Симу и думал: «А если бы я уехал на Кубу тогда вместе с Женей Белокриницким — ведь меня чуть не послали,— плакала бы Вера вот так, сидя в своей компании?» И почему-то никак не мог представить себе плачущую Веру... Впрочем, и Сима вскоре утешилась. Слезы быстро высохли на ее круглом миловидном лице с ямочкой на одной щеке, с капризными детскими губами. И платье на ней было милое, рябенькое, в каких-то рюшечках, оборочках, с открытой шеей. Обычно он не замечал, кто во что одет, и женщин это обижало. Особенно Клару Семенову, чертежницу из их отдела.

Клара не умела скрыть своего расположения к нему. Он уставал от ее внимания, многозначительных взглядов и вздохов. И сейчас, сидя напротив него за столом, она не сводила с него глаз, и он нарочно стал смотреть на Симу и, когда начали танцевать, пригласил опять же Симу. Три пары топтались на узком пятачке, между столом и диваном. Кто-то вспомнил о новом танце, который танцуют, не сходя с места,— танце, рожденном теснотой квартир... Он не очень умел танцевать и, будь в комнате побольше места, ни за что бы не решился. Водка и теснота придали ему смелости, он даже стал выделывать коленца, в завершение подкинул Симу в воздух, и его удивило, что она такая легкая и маленькая,— с Верой они были одного роста. Ему стало весело, он потерял счет времени и не заметил, как стали понемногу расходиться. Еще оставалось человека три за разоренным столом, когда Сима, наклонившись к его уху, сказала:

— Клара плачет, пойдите к ней...

— Почему я должен к ней идти? — спросил он, поймав Симу за руку.

— Потому что вы ее обидели,— сказала Сима раздельно, как маленькому, и отняла руку.

— Обидел? Чем? Да я не сказал с ней ни слова!

— Значит, именно этим. Пойдите к ней, прошу вас!.. Она там, на крыльце.

— Ну, если вы просите...— Он сделал ударение на в ы.

Клара стояла на крыльце, задрав голову в небо. Кажется, она в самом деле плакала.

— Пошли танцевать,— позвал он.— А я вас ищу...

Клара всхлипнула и взглянула на него искоса, недоверчиво.

— Не натанцевались еще? — спросила она не без ехидства.— Нет, спасибо. Мне что-то не хочется. Лучше здесь постоим. А потом вы меня домой проводите. Хорошо?

Стоять с Кларой на крыльце было совсем уж скучно. Вдобавок он вспомнил, что в одной бутылке еще осталось. И ему хотелось еще побыть с Симой, с этой маленькой женщиной, в ее уютной тесной квартирке, из которой Жене Белокриницкому, наверно, ох как не хотелось уезжать...

Чернота неба была над ними, пахло свежестью, травой, цветами. Крыльцо выходило во дворик, типичный для этого южного города,— с потрескавшимся асфальтом и колонкой для воды. Южные дворики — продолжение домов. Здесь стирают, сажают цветы, судачат под вечер. В этот поздний час во дворике уже никого не было. Здесь, как и всюду, что-то цвело — алыча или абрикос, во тьме не разобрать. Ночь была теплая по-летнему. «Да, — подумал он, закуривая,— это декорация из какой-то другой пьесы. Нам с Кларой тут делать нечего».

— Ладно, я провожу вас домой,— согласился он.— А пока пошли потанцуем.

Ему и правда хотелось танцевать, но не с Кларой, а с Симой. «Может быть, я влюбился?— мелькнуло в голове.— А почему бы и нет? Разве я не живой человек? Это она так думает (о Вере). Но она ошибается. «У нас все такие семейные...» Ах, хорошо бы влюбиться! По-настоящему. И пропади все пропадом...»

Наверно, он не только «добрал», но и «перебрал» немного, потому что потом не мог вспомнить, как они очутились на улице втроем — он, Клара и Сима. Позвал он Симу или она сама вызвалась пройтись, подышать воздухом... Они проводили молчаливую, надутую Клару и остались вдвоем на тихих, пустеющих улицах. Фонари просвечивали сквозь густую зелень, придавали улицам сходство с подводными гротами. По этим гротам в зеленоватом освещении молча двигались запоздалые пары, все больше молодежь,— южные красивенькие мальчики и девочки с трудными растрепанными прическами и глазами, фосфоресцирующими от возбуждения. Он вел Симу под руку — по старой моде,— не решаясь обнять ее за плечи, и этим они отличались от молодых пар, попадающихся навстречу. Ему было странно и непривычно идти по улицам в такой поздний час под руку с женщиной, удаляясь в сторону от своего дома. Сима тоже, видимо, чувствовала неловкость и от этого много говорила — о заводе, о том, что Ереван задерживает поставку бронзы, а так как бронза идет для сальников тропических машин, сборка задерживается. Как бы не погореть с планом в этом месяце!.. Она говорила о чем придется, боясь его молчания. Внезапно она спросила:

— У вас жена ревнивая?

— К сожалению, нет,— ответил он.— Не к кому ревновать.

— Ну и напрасно. Вы женщинам нравитесь.

— Например? — спросил он.— Кларе Семеновой?..

— Хотя бы...

— Вы сказали «женщинам»...

Она засмеялась и ничего не ответила.

Они шли по главной улице, местному «Броду», красный отблеск витрин мешался с зеленым светом листвы в какие-то карнавальные тона.

Они замолчали, и молчание их становилось все значительней и глубже. Казалось, еще немного — и они не смогут из него выбраться. Они приближались к ее дому. Он почувствовал, что она замедляет шаги, как бы сомневаясь в чем-то. Он заметил, что по пути она ни разу не заговорила о своем муже, и он не спрашивал о Жене, как будто это была запретная тема и они договорились молчать, забыть о том, что где-то далеко, на Кубе,

Окончание. См. «Огонек» №№ 49—51.

есть некий Женя Белокриницкий, славный малый с большими умелыми руками и привычкой подергивать левым плечом. Приближаясь к ее дому, он почему-то больше думал о Белокриницком, чем о Вере, и чувство вины перед ним нарастало. Может быть, потому, что он уже думал, что сегодня войдет в его дом. А дальше что? Дальше он будет последним подлецом. Интересно, что чувствуют подлецы? Даже те, кто становится ими впервые? Мучает их раскаяние, или они привыкают к своей подлости, находят какую-то форму сосуществования?

Сима молчала. Он не знал, о чем она молчит. С Верой было по-другому. Он не всегда знал, что она сделает и какого «выкинет коника», но о чем Вера молчит, он знал. Маленькая чужая рука лежала сейчас в его руке, чуть выше плеча незнакомо шевелились по ветру светлые локоны. Какие они на ощупь? У Веры волосы тонкие, легкие, как у всех истинных белорусов...

Они вошли во дворик и остановились у крыльца. Теперь здесь было совсем тихо, должно быть, потому, что из дома не доносилось ни звука и на асфальтовую дорожку не падал свет из окон. А в остальном декорация была та же, что и некоторое время тому назад. Черное небо в звездах, смутная белизна деревьев в глубине двора. Что-то твердо шлепнулось о деревянные ступеньки.

— Майский жук,— сказала Сима.

Это были ее первые слова после долгого молчания. Она наклонилась, чтобы поднять жука, и когда выпрямилась, он протянул руку и дотронулся до ее волос. Они были жесткие — должно быть, от завивки. Сима не отвела его руки. Она вообще не торопила его уходить, не гнала, как он ожидал. Она, плакавшая о муже, когда пели про Кубу, теперь как будто начисто забыла о нем. «А Вера,— подумал он,— могла бы так стоять с кем-то, если бы я уехал? Вести кого-то к себе в дом?..» От этой мысли ему стало нестерпимо больно. Он почувствовал, что трезвеет.

Сима, плакавшая о муже, была ему близка и понятна, потому что позволяла поверить, что и Вера могла бы плакать. Эта новая, загадочно-молчаливая Сима была чужда и неприятна ему, потому что заставляла скверно думать о Вере. Он стоял на крыльце, и сердце его замирало в ожидании,— сейчас она позовет его в дом. «Неужели она позовет меня? —думал он почти со страхом.— Неужели Вера позовет е г о?» Он не знал, кого и когда позовет Вера. Кого-то, когда-то. Не все ли равно? Как будто за то, как поведет себя эта женщина, переживающая разлуку, отвечали все женщины мира. Ему пришла в голову фраза из заводской газеты «Компрессорщик», из передовицы, в день Восьмого марта: «У нас на заводе трудятся восемьсот женщин...» Та, что стояла рядом с ним, была одной из этих восьмисот. Только и всего. Сейчас она пыталась разглядеть майского жука, лежавшего на ладони.

— Подарить вам его? — сказала Сима.— Для вашей дочки. У вас ведь дочка?

— Да, у нас дочка,— сказал он.— Танька. В пятом классе.

— Я помню себя в пятом классе,— сказала она.— У меня была двойка по арифметике. И еще я мечтала стать летчицей. Тогда многие девчонки об этом мечтали.

— Нынешние, наверное, мечтают стать космонавтами,— сказал он. На душе было легко оттого, что она не звала его в дом и — он был уверен — не позовет.

— Ну нет,— засмеялась Сима.— Теперь они в лучшем случае мечтают стать стюардессами...

Видно было, что и ей стало легко, как бывает, когда примешь наконец трудное решение. Жуки мелькали над их головами, шлепались о землю, падали на крыльцо, но она их больше не подбирала.

Они попрощались за руку. Он испытывал к ней нежное, благодарное чувство за то, что она — или Вера? — выдержала испытание. И ее маленькая, холодная рука не показалась ему сейчас чужой.

— Будете писать на Кубу,— сказал он,— Евгению привет!

Возвращаясь домой, он насвистывал. Он подумал, что похож на мальчишку, который доволен свиданием. Когда-то он думал, что можно быть счастливым, услышав «да». Но мог ли он знать, что счастье приносит и слово «нет»? Для этого надо, чтобы пришла зрелость.

Мир вокруг казался уравновешенным, почти совершенным. С войны он остался сиротой, не знал, где похоронены отец и мать. Он не умел вспоминать. Он просто все помнил. Все, чем дорожил. И он возвращался в свой дом, где спал его ребенок и не спала, ожидая его, женщина с много видавшими, голубыми, подозрительными, как у его Веры, глазами.

Глава одиннадцатая

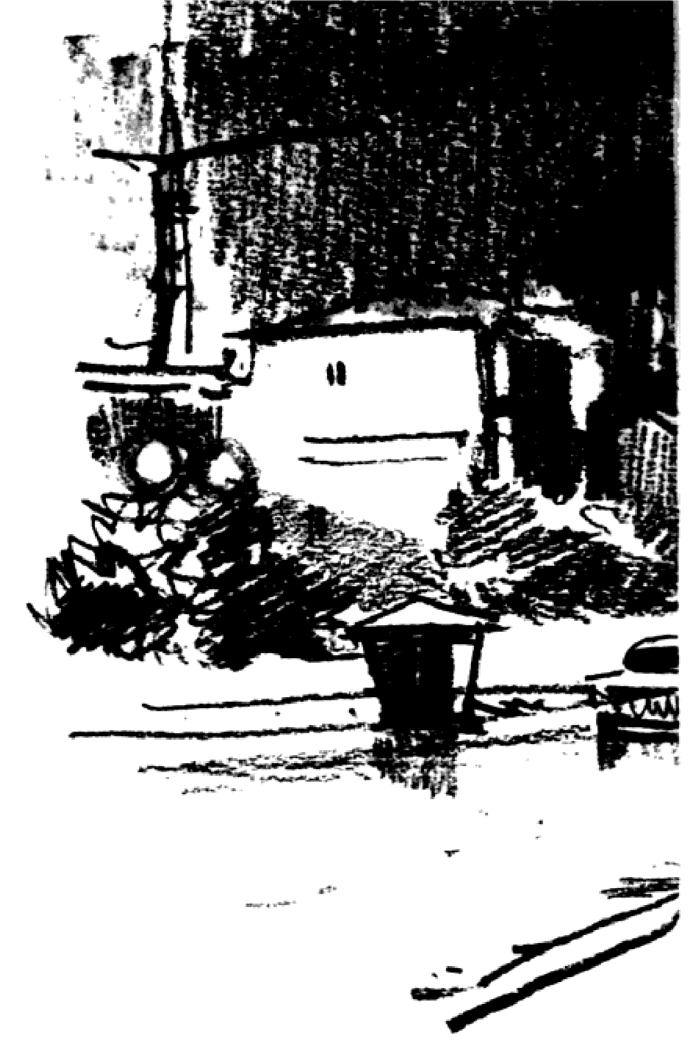
В свободные часы она ходила одна по незнакомым улицам, в незнакомой пестрой толпе. Садилась на скамейку где-нибудь в скверике и сидела, прислушиваясь к постороннему шуму южного города. Она уже устала от этой жаркой чужой весны и помнила, что ее ожидает еще одна весна, своя, в родном городе, где сейчас только набухают почки на вербах и на холодной земле показалась прошлогодняя трава. Эту чужую весну она как бы ненароком подсмотрела и суеверно думала о том, что человеку две весны в один год не положено. Ей хотелось домой, в свой город. Когда она уезжала, там еще только сошел снег. Она и Степан шли на вокзал через детский парк. Ей запомнилась черная с серебром, как со ртутью, вода в речке: в ней отражались четкие наклонные стволы берез. Степан нес ее чемодан. В своей поношенной кепке и синем прорезиненном плаще, надетом поверх коричневого свитера, худой, неспокойный из-за разлуки с ней, он был ей близок и дорог в те минуты, и она совсем забыла о том, что каждый из них прожил свою отдельную большую жизнь, а не одну общую.

Степан до войны работал радистом на экспрессе «Минск — Владивосток». Передавал объявления, крутил для пассажиров музыку,— «Маши», «Саши», «Андрюши» и, конечно, свою любимую — классику. Замечательный был экспресс — от края до края, как в песне! Ходил он через Москву. Из Минска ехали — стоянка в Москве сорок минут, а на обратном пути — сутки...

Незадолго перед войной женился Степан; жену звали Олей. Была она художница — рисовала афиши в кино. Родила Степану мальчика, назвали Петькой. А он все ездил. Из рейса придешь — жену повидаешь, детей пересчитаешь — и назад. Не прожил Петька на земле и года — началась война. В первую же бомбежку остались Оля с сыном под развалинами. Степан в рейсе был. Вернулся в Минск — ни жены, ни сына, ни дома. Ничего. Пошел в военкомат, на фронт просился. А фронт уже тут, рядом, к Минску подступает. И оставляют его, радиста, в городе для связи. Записали адрес — он к своей сестре перебрался жить,— сказали: «Ждите. К вам придут». Не раз позавидовал Степан партизанам, перетаскивая по ночам рацию из одного разбитого дома в другой, боясь, что запеленгуют немцы.

Что передавал, что отстукивал своим ключом — про то сам не ведал. Все было зашифровано. Не знал, и кто приносил и кому передавал, и рад был своему незнанию: вдруг попадется, пытать начнут, и язык сам развяжется... Знал лишь, что через него идет связь партизан с Большой землей. И как же далеко казалась она, эта земля, которую он изъездил всю от края до края!.. Официально работал электромонтером, на самом виду у немцев: наши, уходя, велели ему там устроиться. Боялся, придут свои, не разберутся, скажут: зачем на немцев работал? Напрасно боялся. Как освободили Минск, его сразу на электростанцию, дежурным на распределительный щит... Ответственная работа. Нет, хорошо наши знали, кто и зачем в городе оставался.

А вот ему часто хотелось теперь узнать тех людей, что приходили к нему безымянные и молча протягивали листок закодированного текста. Узнать и тех, кто слушал его морзянку в чаще лесов. Тех, к кому он взывал из каменного леса городских развалин, где главным врагом его была луна. С тех пор он

не любит лунный свет — как предательский. До войны он был веселым, балагуристым хлопцем. Не раз веселил пассажиров экспресса своими прибаутками. Война научила его молчанию. Молчит он и с ней. С Анной. Смотрит и молчит. Скажет слово и опять молчит. Любит, чтобы она ему рассказывала...

Анна хорошо помнит, как она с дочкой вернулась в Минск после войны и не нашла города — одни фасады под луной насквозь светятся, один кирпич да камень. Центр весь побитый, немцы пленные строем ходят, гоняют их на строительные работы. Анна тогда впервые немцев в лицо увидела. И ее удивило, что похожи они на людей, даже с виду есть симпатичные. Какое же горе принесли они на ее землю! Разглядывая иного немца, грузившего кирпич на носилки, думала: «Не ты ли убил моего Бориса?» И не одна Анна так думала.

Вспоминая теперь тот разбитый Минск, надписи на немногих уцелевших домах: «Мин не обнаружено. Сапер Белов»,— пустыри и развалины, мимо которых ей жутко было ходить, возвращаясь с вечерней смены, она хорошо представляла себе Степана, как он хоронился где-то тут с передатчиком. И жалела его и любила сильней.

Ей нравилось воображать, как они поженятся и она будет провожать его утром на работу и готовить ему кандыбчик, чтобы закусил среди дня,— булку, разрезанную вдоль, с колбасой или джемом. И вечером, закрыв ставни, он не уйдет, а вернется в дом, и они будут вместе пить чай и слушать музыку по радио до позднего вечера.

И сейчас ей очень хотелось кому-нибудь сказать о нем, когда его хмурое лицо вдруг всплывало посреди воспоминаний с отчетливой настойчивостью настоящего, всегда более сильного в сравнении с прошлым. Кому сказать? Вере она не решалась. Как она сказала, там, на Старой Кубани: «В тебя еще можно влюбиться»,— а у самой глаза смеются. Проще сказать Диме, но он Вере сразу доложит. А Таньке — малáя еще, не поймет: как это бабушка — и вдруг за радиста собралась. Ну, не комедия?

Чем дольше жила она здесь, вдали от Степана, тем чаще его лицо прорывало густую сеть воспоминаний, как солнце прорывает облака на какое-то мгновение, и ей делалось радостно. Но она привыкла сомневаться во всем, не доверять судьбе — слишком часто была она ею обманута. «Доверять можно только прош-

лому,— думала она.— Его никто уже не отнимет, худое ли, хорошее ли, а все мое...»

Танька приводила подружек, просила опять рассказать о войне, о бомбежках, о том, как жили в Сибири. Девочки слушали, широко раскрыв глаза, как сказку. Она начинала нехотя, но потом увлекалась сама, и Танька переводила девочкам белорусские слова. Как-то Анна рассказала про Степана. Она не называла его по имени. Просто был такой человек, оставался в Минске всю войну, работал связным. Она думала, что им будет интересно про это послушать,— ведь они знают войну по книжкам. Когда подружки ушли, Танька спросила:

— Бабушка, почему ты мне раньше никогда не говорила про этого радиста? Как его зовут?

— Степан Лукич,— сказала она. И ей приятно было произнести это имя.

— А какой он из себя? — продолжала спрашивать Танька.— Ты меня с ним когда-нибудь познакомишь?

— Может, и познакомлю,— сказала она, как могла безразлично.

Но от Таньки не так просто было отделаться. Уже вечером, пряча книги в портфель, Танька вдруг спросила:

— А кем он сейчас работает?

— Кто? — Она сделала вид, что не поняла.

— Ну, Степан Лукич!

Анна уже не рада была, что произнесла при Таньке это имя. С другой стороны, ей и самой хотелось поговорить про Степана.

— Сейчас он, внучушка, работает в лаборатории высокого напряжения,— сказала она.— Тоже опасное дело. Внимание большое требуется. Степан говорит: как саперы ошибаются только раз, так и мы, высоковольтники...— И вдруг сердито: — Дался тебе радист этый!

Танька слушала ее задумчиво, и Анне вдруг показалось, что Танька хитрит и отлично все понимает, иначе почему не спрашивает при Диме? И ее бросило в жар от этой мысли. Порой ее охватывали сомнения. И чем больше хотелось вновь увидеть Степана, тем сильней сомневалась: надо ли видеть его? Опять давать сердцу волю? Опять лепить — в который раз! — заново свое побитое бурей гнездо? Опять находить и терять? Нет, не вынесет сердце новой потери. Самой отказаться хоть раз.

И Анна заходила на почту, покупала конверт и листок почтовой бумаги. Садилась за шаткий столик в углу, возле кадки с фикусом. «Здравствуй, Степан! Не жди меня, не надейся. Все думано-передумано, и вижу: жизни не будет у нас с тобой. Слишком поздно, Степан...»

Слова отказа легко складывались в голове, но на бумагу ложиться не хотели. Она отчетливо видела, как он берет ее письмо, как разрывает конверт смуглыми пальцами, как пробегают строку за строкой его доверчивые глаза... Анна рвала листок, на котором стояло: «Здравствуй, Степан!» — и выходила из гомона и духоты на чистый весенний воздух. Вздыхала с облегчением. Вокруг нее шумел, звенел молодым смехом и обрывками фраз этот южный город, свидетель ее счастливых сомнений. Она никогда не была здесь в молодости, не знала, как выглядели его зеленые улицы в грозные военные годы. Они впервые встретились теперь, на склоне ее жизни, лицом к лицу, и она приняла этот город таким, каким он предстал ее глазам, с его белыми домиками, зелеными прямыми улицами, с его ослепительной жаркой весной и запахом невидимого моря.

Эта встреча была похожа на встречу ее со Степаном, которого она тоже не знала молодым, без которого прожила полвека своей отдельной жизнью, а встретив, приняла таким, как он есть. И все же эти длинные южные улицы были ей как будто обещаны и ждали ее, чтобы помочь в минуту раздумий шелестом светло-зеленой листвы. И Степан терпеливо ждал ее на пути и, может быть, знал, что она придет. И Анна ждала его. Иначе где же брала она силы двадцать лет возвращаться в свой пустой дом, отмыкать неподатливую дверь, топить печку, ставить чайник?.. И все для себя одной.

Гуляя по городу, она не разглядывала молодые пары, зато замечала стариков. Ей запомнился один, в выцветшей стиляжьей рубашке под распахнутым ватником.

Наверно, сыну стала тесна и подарил батьке. Нет, Степану она не позволит носить такую, перед людьми срамиться...

Увидела седого казака с вислыми усами — из кармана галифе торчало горлышко поллитровки. И тут же подумала: Степан, слава богу, до гаручего не охотник. Конечно, вино они будут покупать, но только по праздникам...

И вдруг снова сомнения. На этот раз из-за Веры. Где ее ветер носит? Дите одно, Дима где-то стал загуливать. Говоре, на работе, а непохоже. Придет домой и ести не хоче, а сразу спать... При Вере она такого не замечала. И как это держится еще семья непутевая? На каком клею?..

Решила порядок навести, поговорить с Димой строго. В тот день он с работы рано вернулся. Она ему щей налила. Он в кухню вошел, глянул на нее и за стол не садится. Бумажку ей протягивает.

— Извините, Устиновна. Я раскрыл, думал, от Веры. Телеграмма вам...

У нее ноги захолонули. С телеграммой у нее всегда вязалось что-то пугающее, тревожное. Где-то в глубине сердца она считала, что в покое и радости люди пишут друг другу письма, а в горе и беде шлют телеграммы. Неверными пальцами взяла бумажку и прочла, отведя подальше от глаз,— она была дальнозорка: «Сообщи когда приедешь вагон поезд буду встречать у нас все зеленеет Степан».

Глава двенадцатая

Поезда с севера приходили в К. ночью и уходили из К. на север тоже за полночь. В одну из теплых, свежих от прошедшего дождя ночей они проводили мать.

С утра лил дождь, настоящий весенний ливень с коротким, мощным, как пушечные залпы, громом. Когда он стихал ненадолго, в окно было видно, как жадно пьет дождевую влагу густая, уже пышная зелень, пронзительно яркая в сером полумраке.

За прощальным обедом мать была весела, смеялась, шутливо перебранивалась с Димой, покрикивала на Таньку:

— А ну, доешь, что в тарелке! Уедет бабушка, кто тебе таких щей наварит? Белорусская наша еда простая, грубая, но здоровая, калорыйная: щи с мясом, бульба, курица, яичница... Нияких там ласиков!..

— Мама,— сказала Танька,— а правда, бабушка была ворошиловским всадником?

— Была,— сказала Вера.

— И верхом ездила?

— Пеших всадников не бывает.

Она хорошо помнила мать в сером казакине, в синих брюках, в хромовых сапожках, прямую, стройную, красиво державшуюся в седле. За мужьями вслед выезжали на первомайский парад жены командиров — ворошиловские всадники. Кони держали строй, нетерпеливо перебирая тонкими ногами. После парада — джигитовка. Мать на своем Зяблике легко брала стеночку, прыгала через ров с водой...

— А ты бабушке не веришь? Разве хорошо это, бабушке не верить? Когда я тебя обманывала?..

Вера смотрела, как мать, ловкая, румяная от плиты, с косой, уложенной киксой на затылке, в зеленой вязаной кофте, хлопочет у стола. Наверно, нет ничего удивительного, что кто-то встретился ей сейчас, на закате жизни. Дима сказал Вере о телеграмме, пришедшей из Минска в ее отсутствие, и Вера подумала: значит, там, на Старой Кубани, мать пыталась перешагнуть границу скрытности. Пыталась и не смогла. Возможно, Вера сама отпугнула ее неосторожным словом. Теперь мать молчала. Пусть молчит, если ей так нравится. Вере тоже так легче. К этой мысли надо привыкнуть, сжиться с нею. К мысли о том, что в судьбу матери, а значит, и в твою судьбу, войдет новый, совсем чужой человек.

К вечеру внезапно дождь кончился, и на горизонте над неразличимыми горами протянулась оранжевая полоска вечерней зари. К последнему троллейбусу они шли под мокрыми деревьями. С листвы время от времени скатывались и падали крупные, тяжелые капли. Желтый свет фар и красные тормозные огни растекались, дрожали на влажной мостовой.

Дима нес чемодан. Он шел впереди, Вера с матерью немного отстали. Мать все оглядывалась на темные окна дома, где сейчас уже крепким сном спала Танька.

— Ты с ней больше разговаривай, дочушка,— сказала мать.— Твое же дите. Растет она. Детская душа, как грядка. Что посеешь на ней, то и вырастет.

— А ты со мной много разговаривала, когда я росла?

— Тады война была, дочушка,— сказала мать.— А тепер войны, слава богу, нема. Как-

то уже найди время. Конечно, она пионерка, в школе ее учат. А только школа мать не замене...

— Ладно,— соглашается Вера.— Выделю ей родительский час...

— Так-так,— приговаривает мать и смотрит на Веру близко, сощурясь.— Таньке час, Димке час... Такой был и батько твой. Час дома, а сутки где-то.

Троллейбус, почти пустой, покачиваясь, скользит вдоль темных улиц, оставляя позади белые дома за белыми каменными оградами, дворики, усыпанные облетевшим цветом яблонь и урюка. Мать думает о чем-то, смотрит в темное стекло. Она смотрит на свое отражение. В темном стекле, как в зеркале, видны ее прищуренные глаза с тем знакомым мгновенным напряжением в зрачках, возникающим, когда мать силится что-то понять. Высокий крутой лоб, упрямый подбородок. Вот мать поправила косу и чуть заметно улыбнулась в темное стекло... Чему улыбнулась она? Кому?

Не осталось даже ранних фотографий, которыми можно похвастать,— все пропали в войну. А зеркало — жестокая штука, лишенная памяти. Оно признает лишь настоящее...

«У меня было два отца,— думает Вера.— Третьего мне не надо...»

Вот Яким Межонок вернулся с боевого задания, чудом уйдя от бандитского топора, брошенного в возок,— молодой отчаянный начальник угрозыска. Он вернулся и лежит на кровати поверх байкового одеяла, спустив на пол ногу в сапоге. А она, его маленькая дочка, ползает по нему, тянет за волосы, хлопает ладошкой по носу, по лбу. И он хохочет, подняв ее над собой, как куклу, и глядя, как она сучит толстыми ножками, еще ни разу не стесненными обувью...

А вот ее второй отец, Борис Петрович, забежав домой с учений на полчаса, просит: «Верка, а ну почитай мне четвертую главу,— где мы там остановились?» Она, уже третьеклассница, берет книжку в голубоватом картонном переплете и начинает читать вслух, с выражением, а он, большой, грузный, сидит на диване и слушает, а потом вдруг засыпает посреди чтения. Кажется, до пятой главы они с ним так и не дошли...

Да, Борис Петрович был для нее вторым отцом. Этот же будет только мужем ее матери. Новым человеком в ее судьбе.

Тогда, на Старой Кубани, мать рассказала ей про Асьму, свою сопалчанку. Асьма вышла не по любви, говорила мать, просто чтобы не быть одинокой. «Какая может быть любовь в наши года?»

«Не знаю, как Асьма,— думала Вера, — а мать, если выйдет, то по любви...»

Мысль о том, что мать выходит замуж по любви, причиняла Вере неясную боль, поселяла в душе чувство сиротства. Как будто ее, тридцатилетнюю девочку, бросили одну в толпе, на вокзале...

Вокруг кипела вокзальная суета. Носильщики связывали и вскидывали на плечи чемоданы. Белели в темноте бескозырки моряков-транзитников. Подкатывали такси, мигнув зеленым глазком. Низко, над самой вокзальной площадью, висел желтый фонарь луны.

До поезда еще оставалось время. Под навесом нашлась сухая скамейка, и они сели. Дима поставил чемодан, закурил. Вера скорее почувствовала, чем увидела, как он разглядывает ее в темноте. Как будто сравнивает с кем-то.

— Ты чего? — спросила она.— Своих не узнаешь?

— Узнаю,— сказал он и выпустил колечко дыма.— Пока что...

Что-то появилось в его тоне новое, непривычное для ее слуха. Интересно, как он тут жил без нее?.. На виноватого не похож.

— Смотри у меня! — сказала Вера на всякий случай.

Длинный поезд обдал их грохотом и свистом. Они протиснулись в душный, нагретый еще новороссийским солнцем вагон. Морской капитан лет сорока учтиво поднялся. Он с удовольствием посматривал на Веру, ожидая, что его спутницей будет она. Она и правда была хороша. В редакции все ахнули, когда Вера вошла: такая она стала черная и так блестели ее синие глаза на загорелом лице, оттенявшем пшеничную желтизну ее волос. Иных дорога изматывает, утомляет, а ее всегда красит. И, глядя на нее, люди невольно начинают ей завидовать. Те, что отнюдь не завидовали ей, когда она уезжала. Нет, они не хотели уезжать. Они хотели возвращаться...

Капитана ждало разочарование.

— Ну, Дима,— сказала мать,— ты уже както смотри за ней... Такая уже твоя женка. Не битая выросла. Яким погиб молодой, Борис бить не смел, а я жалела...

Повернулась к Вере.

— Ну, дочушка...— И вдруг заплакала, припав к ее плечу.

Мать не выглядела сейчас ни молодой, ни сильной. Она плакала, потому что прощалась на этом южном вокзале со своим прошлым. Прощалась вновь с Якимом, с его синими глазами, перешедшими, как с переводной картинки, на лицо дочери. Прощалась с Борисом, звавшим ее во сне в час своей кончины. Прощалась с их тенями и воспоминаниями, которыми жила до сих пор. И этими слезами просила прощения у их теней и у воспоминаний за то, что оставляет их у порога будущего, который в силах перешагнуть только живые.

С жалостью и острой любовью Вера подумала: пусть мать будет счастлива. Хоть на этот раз!

Их разделяло уже вагонное стекло. Морской капитан услужливо опустил верхнюю часть окна. Мать поблагодарила его. Она стояла, улыбаясь виновато, слегка растерянно. Тянулись последние бесконечные секунды.

— Напиши нам,— сказала Вера.— Как доехала...

— Напишу. Может, пойдете уже?

— Подождем. Две минуты осталось...

— За Танькой смотрите... За Танечкой, гавару, смотрите как следует...

Поезд тронулся. Они пошли за вагоном, но вскоре отстали и махали уже не матери, а каким-то чужим уезжающим людям, прилипшим к окнам... Вдали состав погромыхивал неторопливо, даже как-то беспечно, как бы желая показать, что для него ничего не стоит пересечь страну из одного конца в другой.

На платформе сразу стало тихо и пусто.

Они вышли на вокзальную площадь. Троллейбусы уже не ходили. К такси выстроилась очередь прибывших из Новороссийска.

— Пошли пешком,— сказал Дима.— Ночь какая хорошая!

Вера обрадовалась. Она знала: ничто так не рассеивает грусть, как движение. А ей было грустно. В этот раз, мотаясь по полям из колхоза в колхоз, кочуя из одного стана в другой, она больше обычного скучала по дому. Может быть, потому, что дома ее ждала мать. Где мать, там всегда дом, думала она теперь. В Рогачеве, в Слуцке, в Лапичах под Осиповичами, в чистом поле под звездами, в вагоне теплушки, в Юрге — всюду я была дома, потому что мама была со мной... Интересно, чувствует ли Танька так же?..

Стоило ей подумать о Таньке, как на душе сделалось легче.

— Давно мы с тобой не гуляли по ночам,— сказала она.

Дима держал ее за руку, и они шли не спеша и действительно походили на влюбленную пару. Их шаг был единственным звуком на притихшей ночной улице. Что-то капало сверху — не то с деревьев, не то вновь начинался дождь.

— Знаешь, как меня называют наши?— спросил он. — Жена моряка.

Это ее рассмешило. Кончив смеяться, она спросила:

— Кто же тебя так называет?

— Кто? — Он помолчал.— Семейные...

А где-то, набрав скорость, постукивал на стыках поезд, увозивший Анну Межонок навстречу новой жизни. Что сейчас делает мать? Спит? Или смотрит в темноту на синюю лампочку в потолке и думает о прожитой жизни? Или рассказывает своему соседу по купе, морскому капитану, о человеке по имени Степан? О его телеграмме, где о любви сказано всего четыре негромких слова: «У нас все зеленеет».

В дороге порой не спится, и чего только не наслушаешься тут под мерный стук колес! Сколько сокровенных тайн доверено недолгим соседям, дорожным спутникам,— тайн, которых не суждено узнать за долгую, прожитую вместе жизнь самым близким людям! Должно быть, и у морского капитана есть какая-нибудь своя удивительная история...

■

Железная люлька

Фазу **АЛИЕВА**

Сидит на веранде мой дед,
Железную люльку качает.
В глубоких морщинах играет,
Как в речке, полуденный свет.

А люлька, как лодка, плывет.
И солнце кудрявым ягненком
Резвится над спящим ребенком.
А люлька, как лодка, плывет...

На люльке — цветы голубы.
Та люлька железная — словно
Начало моей родословной,
Начало рабочей судьбы.

Сыночка кузнец ожидал
И в кузнице жаркой ночами
Большими своими руками
Для первенца люльку ковал.

И видятся, как наяву,
Его опаленные веки.
Прошло с той поры больше века,
Но в прошлое с люлькой плыву.

И вижу железо в тисках
И слышу, как ухает молот,
Как молодо ухает молот
И воздух играет в мехах.

Кузнец тот мне прадедом был.
В ауле над горной лощиной
Он выковал люльку для сына —
Начало рабочей судьбы.

Чтоб люлька крылатой была,
Кузнец с молчаливой любовью
Пристроил в ее изголовье
Орла — два железных крыла.

Кузнец не жалел своих сил:
Чтоб сын его к людям рос чутким
И ласковым к людям, на люльке
Два нежных цветка посадил.

А чтоб перенял ремесло,
На люльке он вырезал молот,
Потомственный вырезал молот,
Чтоб в кузнице сыну везло.

С тех пор утекло столько лет!
Надгробье уже поржавело,
А люлька блестит, как блестела,
Хоть сын кузнеца уже дед.

А люлька, как лодка, плывет...
Улыбка плывет по морщинам...
С моим новорожденным сыном
Просторная люлька плывет.

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

А. Пластов. МАМА.

В. Цыплаков. ЗИМКА.

Ю. Кугач. В СУББОТУ.

Чарли ЧАПЛИН

МОЯ БИОГРАФИЯ

Полный нетерпения и тревоги, я приехал в Лос-Анжелос и снял комнату в маленькой гостинице, носившей название «Большая Северная». В первый же вечер я решил развлечься и отправился смотреть второй акт представления в театрике «Императрица», где в свое время выступала труппа Карно. Билетер узнал меня и сказал, что мистер Сеннет и мисс Мэйбл Норман сидят двумя рядами дальше — не желаю ли я присоединиться к ним? Я затрепетал от волнения, и после бессвязных приветствий вполголоса мы втроем досмотрели спектакль.

Сеннета явно поразил мой юный вид.

— Я думал, что вы много старше,— сказал он.

Я уловил в его тоне оттенок озабоченности и испугался: к тому же я вспомнил, что почти все комические актеры в фильмах Сеннета выглядят староватыми: Фреду Мэйсу в то время было за пятьдесят, Форду Стерлингу — больше сорока.

— Я могу загримироваться под любой возраст,— возразил я.

Мэйбл Норман не выразила никаких сомнений, хотя они у нее, возможно, и были. Это меня немного успокоило. Сеннет сказал наконец, что я не сразу приступлю к работе, и посоветовал поехать сначала на студию в Идендэйле—освоиться, познакомиться с людьми. Выйдя из кафе, мы сели в эффектную гоночную машину Сеннета, и я был доставлен в мою гостиницу.

На следующее утро я сел в трамвай и поехал в Идендэйл, пригород Лос-Анжелоса. Это было странное место — причудливая смесь жилого поселка с промышленным городком. После долгих расспросов я очутился наконец у студии «Кистоун». Я увидел ободранное старое здание, огороженное зеленым забором. К входу вела дорожка через садик, а затем надо было пройти еще через какой-то совсем уж дряхлый домик. Я стоял и глазел на все это с противоположной стороны улицы, не в силах решить: войти мне или нет?

Был час завтрака, и я видел, как мужчины и женщины в гриме выбегали через домик, пересекали улицу, входили в закусочную и возвращались обратно, жуя на ходу сандвичи с сосисками. Все перекликались громкими резкими голосами: «Эй, Хэнк, давай скорей!», «Скажи Слиму, пусть потарапливается!»

Мною вдруг овладела такая застенчивость, что я убежал и притаился на почтительном расстоянии за углом. Оттуда я выглядывал, не появятся ли Сеннет и Мэйбл Норман, но их все не было. Простояв так добрых полчаса, я решил вернуться к себе в гостиницу. Войти в студию и столкнуться там со всеми этими людьми — это было свыше моих сил. Два дня подряд я приезжал, подходил к воротам студии и... возвращался назад. На третий день мне позвонил Сеннет и удивленно спросил, почему я не появляюсь. Я принялся бормотать какие-то извинения.

— Приезжайте сейчас же, мы ждем вас,— сказал он.

Я примчался в Идендэйл, храбро проследовал через заколдованный домик и спросил мистера Сеннета. Тот очень обрадовался мне и сразу повел в студию.

По студии был разлит ровный, мягкий свет... В большом зале стояли почти рядом три совершенно разные декорации, и у каждой снималась группа актеров. Все вместе напоминало международную ярмарку. У одной декорации Мэйбл Норман стучала в дверь и кричала: «Впустите меня!» Тут же съемочная камера остановилась, и это было все — я еще не знал, что фильмы снимаются кусками.

На второй площадке работал великий Форд Стерлинг, которого мне предстояло заменить. Сеннет познакомил меня с ним. Стерлинг уходил из Кистоунской компании и создавал собственную на паях с фирмой «Юниверсал». Стерлинг пользовался очень большой популярностью у публики, и в студии все восторгались им.

Сеннет отвел меня в сторону и стал объяснять свой метод работы:

— У нас нет сценариев. Мы просто придумываем какой-либо сюжет и следуем естественному ходу событий, пока дело не доходит до доброй свалки или погони — это и есть гвоздь фильма.

Метод был, на мой взгляд, великолепным; но мне были противны все эти драки и преследования на экране. В них личность персонажа как бы рассыпалась на куски. Как ни мало знал я кинематограф, я был убежден, что индивидуальный образ — это всё.

Я переходил от декорации к декорации, наблюдая работу групп. Все актеры явно старались подражать Форду Стерлингу. Это меня злило: стиль его игры был совершенно противоположен моему. Он играл растерянного, мечущегося по сцене голландца и, импровизируя свои трюки, говорил с голландским акцентом; это было смешно, но картина снималась немая, и акцент все равно терялся. Я не мог понять Сеннета: неужели он рассчитывал, что я стану играть в манере Стерлинга? А ведь любой сюжет, любая ситуация сознательно или бессознательно приспосабливались именно к его игре...

Несколько дней я шатался по студии, спрашивал себя, когда же наконец я получу возможность работать. Иногда я сталкивался с Сеннетом, перебегавшим съемочную площадку, но он всегда был занят и смотрел сквозь меня, как сквозь воздух. Понемногу меня стало мучить неприятное подозрение: Сеннет, должно быть, решил, что сделал ошибку, пригласив меня!

Мое состояние духа целиком зависело от Сеннета. Стоило ему заметить меня и улыбнуться — и я был на седьмом небе. Актеры держались выжидательной позиции, но я чувствовал, что они не видят во мне равноценной замены Форду Стерлингу.

Наступила суббота. Сеннет был сама любезность. Он сказал:

— Пройдите в контору и получите ваш чек.

Я стал убеждать его, что для меня главное — начать работать, заговорил и о том, что едва ли смогу подражать Стерлингу. Он прервал меня:

— Не беспокойтесь. Все в свое время!

Девять дней прошло в бездействии. Это было как пытка.

Наконец наступил и мой час. Сеннет и Мэйбл Норман были в отъезде, на натурной съемке. С ними уехала группа Стерлинга, и на студии почти никого не осталось. Между тем Генри Лерману, второму режиссеру, предстояло снимать новую картину. Он предложил мне сыграть в ней роль газетного репортера. Лерман был тщеславным человеком и, кажется, очень гордился тем, что сделал несколько заурядных комедий, имевших, впрочем, некоторый успех.

Сценария у нас не было. Собственно, это должна была быть документальная картина о типографских машинах с вкрапленными комедийными эпизодами. Мой костюм состоял из сюртука, цилиндра и огромных усов, напоминавших руль велосипеда. Когда мы приступили к делу, я сразу понял, что Лерман еще только начинает обдумывать план фильма. А я, новичок в фирме «Кистоун», был до отказа набит всякими забавными планами. И тут-то я испортил отношения с Лерманом. В сцене, где я брал интервью у редактора газеты, я пустился во всевозможную комическую отсебятину, которую придумывал на ходу. Мало того, я стал давать советы и другим актерам группы. Фильм снимался всего три дня, но мне казалось, что мы все-таки смогли внести в него немало веселых трюков.

Потом я увидел готовый фильм. У меня упало сердце. Монтажер безжалостно, как мясник, расправился со всей моей тонкой работой, вырезав самые забавные места. Я был ошеломлен. Я спрашивал себя: зачем они сделали это? Спустя много лет Генри Лерман признался, что поступил так намеренно: по его собственным словам, он увидел во мне слишком серьезного артиста.

В тот же день, когда кончилась работа с Лерманом, вернулся Сеннет. На студии снова было полно народа: работали одновременно три группы. Мне опять нечего было делать, и я расхаживал в своем обычном костюме, всячески стараясь попасться на глаза Сеннету. Он стоял рядом с Мэйбл, следя за репетицией эпизода, шедшего в холле богатого отеля, и покусывал кончик сигары.

— В этой сцене нужны какие-нибудь смешные трюки,— вдруг сказал он и повернулся ко мне.— Загримируйтесь и оденьтесь посмешнее. Любая внешность сойдет.

Я понятия не имел, что за грим тут требуется. Внешность репортера, которого я сыграл у Лермана, меня больше не привлекала.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50, 51.

По дороге в костюмерную я решил надеть мешковатые штаны, большие узконосые башмаки, на голову — котелок, в руки возьму тросточку. Пусть, думал я, каждая деталь костюма противоречит другой: широкие штаны — тесному пиджаку, маленькая шляпа — огромным ботинкам. Я не знал, выглядеть ли мне старым или молодым. Вспомнив, что Сеннету хотелось, чтобы я выглядел постарше, я приклеил небольшие усики, которые, как я рассчитывал, прибавят возраст, не мешая мимике.

Что это за герой, в которого я превратил себя, я и сам с трудом представлял себе. Однако, кончив одеваться, я убедился, что костюм и грим помогают мне ощутить в себе эту новую личность. Я уже начинал понимать этого человека. И пока я шел к съемочной площадке, он уже полностью сложился в моем сознании. К Сеннету я подошел вполне готовым комическим персонажем и тут же принялся расхаживать с напыщенным видом, размахивая тросточкой. Забавные трюки и комедийные выдумки вихрем проносились в моей голове.

Секрет успеха Мака Сеннета как режиссера заключался в его энтузиазме. Он умел хорошо слушать и искренне смеялся, если что-либо его забавляло. Увидев меня, он едва удержался от хохота, все его большое тело сотрясалось. Это придало мне смелости, и я начал объяснять ему характер моего героя:

— Видите ли, это очень разносторонний малый. Он бродяга, но вполне порядочный человек, поэт, мечтатель, он одинок, ищет в жизни романтики и увлекательных приключений. Этот человек с одинаковым успехом может заставить вас поверить, что он ученый, музыкант, герцог или чемпион водного поло. Но он не постесняется подбирать на улице окурки сигарет, даже позаимствовать у ребенка конфету. И, конечно, если представится случай, он способен пнуть важную леди ногой в зад — правда, только в состоянии крайнего раздражения.

Я продолжал эти объяснения добрых десять минут, заставляя Сеннета непрерывно смеяться.

— Ладно,— выговорил он наконец,— ступайте на площадку, и посмотрим, что у вас получится.

Как и на съемке у Лермана, я очень смутно представлял себе сюжет картины. Знал только, что у Мэйбл Норман там какой-то сложный переплет с мужем и любовником. В любой комедии самое важное для актера — найти свое место в развивающемся действии, но это не всегда легко сделать. Так или иначе, входя в холл отеля, я решил, что играю самозванца, выдающего себя за одного из аристократических гостей, но что на самом деле я просто бродяга, который зашел в отель, чтобы согреться в тепле. Едва вступив в холл, я споткнулся о ногу важной дамы. Обернувшись, я снял шляпу, как бы смиренно прося извинения. Через несколько шагов я чуть не упал, наткнувшись на плевательницу, и точно так же снял шляпу перед плевательницей.

Возле съемочной камеры послышался смех операторов.

Скоро перед нашей группой стала собираться толпа — актеры других групп, оставившие свои декорации, рабочие сцены, плотники, костюмеры, гардеробщики. Уже это одно было похвалой в мой адрес. А когда репетиция эпизода подходила к концу, у нас уже была целая большая аудитория, и смех не прекращался. Я видел и Форда Стерлинга — он внимательно смотрел через головы стоявших впереди. Когда все кончилось, я знал, что сработал хорошо.

Эпизод, в котором я участвовал, занял целых семьдесят пять футов пленки. Сеннет с Лерманом долго спорили, оставлять ли в фильме этот эпизод целиком или урезать до обычной нормы — десяти футов.

— Если это смешно,— робко сказал я,— какое значение имеет длина?

Было решено эпизод не резать.

Одежда и грим уже сроднили меня с моим персонажем. И я тут же решил, что буду держаться и впредь этого образа, что бы со мной ни случилось.

В этот вечер я возвращался домой в трамвае вместе с одним из вспомогательных актеров. Он сказал мне:

— Парень, ты неплохо начал. Никто еще не заставлял так смеяться нашего брата, даже Форд Стерлинг. Видел бы ты его физиономию, когда он смотрел на твои штучки,— это была картина!

— Будем надеяться, что так же станет смеяться публика в кинотеатрах,— ответил я, стараясь не выдать своего ликования.

* * *

В следующей картине я снова работал под руководством Лермана. По-прежнему у меня была масса всяких планов. Но Лерман слушал, улыбался и... отклонял любое мое предложение.

— Это, может быть, забавно в театре,— говорил он,— а в фильме для этого нет времени. Нам надо все время быть в движении. Комедия — только предлог для хорошей погони.

Я не соглашался.

— Юмор есть юмор,— спорил я,— будь то в театре или на экране!

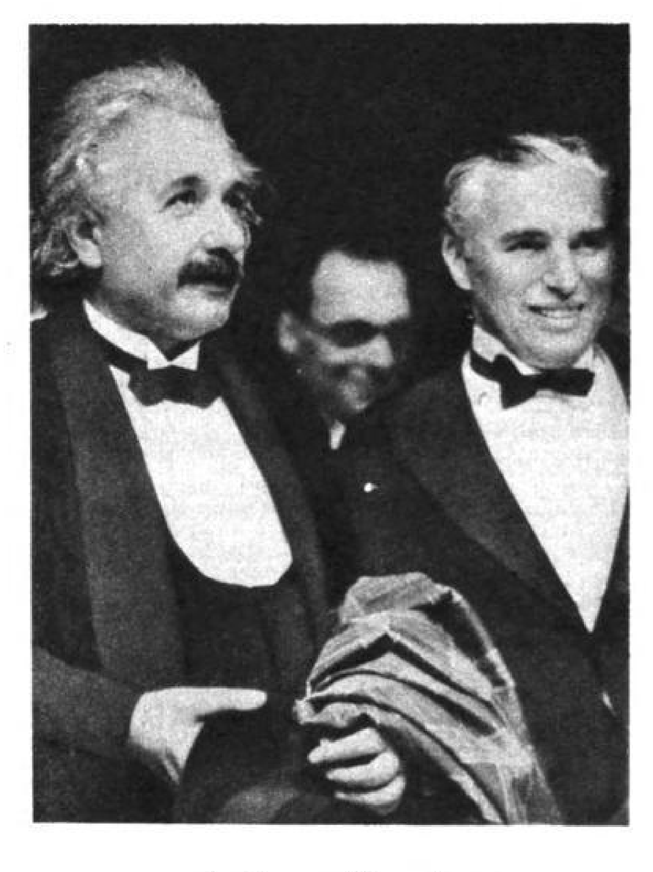
Но Лерман продолжал действовать в обычном для «Кистоуна» духе. Действие должно развиваться молниеносно! Этот непреложный закон олицетворялся в побегах на крышах автобусов, балансировании над пропастью на верхних этажах домов, прыжках в реку с моста. Мне все-таки удавалось втиснуть один-два куска подлинно комической игры. Но Лерман уничтожал их в монтажной комнате. Не исключено, что он жаловался на меня Сеннету и говорил, что с этим сучьим сыном невозможно работать...

Фильм «Мэйбл в затруднительном положении», который ставил Сеннет и в котором я играл своего бродягу в холле, был впервые показан в Лос-Анжелосе. Дрожа от страха, я сидел в зале и смотрел картину вместе с публикой. Я знал, что, например, одно появление на экране Форда Стерлинга вызывает энтузиазм и веселый смех; меня же встретили холодным молчанием. Все забавные трюки, которые я так заботливо проделывал в сценке в холле отеля, едва вызвали несколько улыбок. Но картина шла, и зрители начали понемногу хихикать, потом смеяться, а к концу фильма в зале дважды раздавался хохот. На этом сеансе я обнаружил, что американские зрители не очень-то жалуют новичков.

Не думаю, чтобы этот первый опыт оправдал надежды, которые возлагал на меня Мак Сеннет. Видимо, он был разочарован. Спустя несколько дней он явился ко мне и сказал:

Чарли Чаплин с балериной Анной Павловой,

... с Альбертом Эйнштейном,

...с Мэри Пикфорд и Дугласом Фербенксом,

— Послушайте, мне говорят, что с вами трудно работать.

Я пытался объяснить ему, что работаю добросовестно и забочусь только о качестве фильма.

— Хорошо,— холодно перебил меня Сеннет.— Тогда делайте только то, что от вас требуют. Это все, что нам нужно.

Но на следующий же день у меня произошла стычка еще с одним режиссером, Николсом.

— То, что вы требуете от меня, под силу трехдолларовому статисту,— в раздражении сказал я.— Я хочу работать честно, а не мотаться по экрану и падать с крыш трамваев. Мне не за это платят сто пятьдесят долларов в неделю.

«Шипучка» Николс, как его звали в студии, пришел в ярость.

— Я больше десяти лет в этом бизнесе! — закричал он.— Какого черта вы в нем смыслите!

Я тщетно пробовал склонить на свою сторону актеров группы. Они отмалчивались.

— «Шипучка» знает, что он делает, он в бизнесе гораздо дольше, чем вы!— сказал один старый актер.

А Сеннет, как назло, включил меня в группу Мэйбл Норман, которая начала ставить картину под собственной режиссурой. Это меня разозлило. Мэйбл была очаровательна, но я сильно сомневался в ее режиссерских талантах. На первой же съемке я взорвался. Мы работали на натуре в пригороде Лос-Анджелоса, и в одном из эпизодов Мэйбл велела мне стоять со шлангом и поливать дорогу, а машина какого-то злодея должна была забуксовать на мокром асфальте. Я предложил для своей игры такой план: я наступаю ногой на шланг, и вода перестает идти; я с удивлением разглядываю наконечник шланга; бессознательно отодвигаю ногу, которая зажимает шланг — и струя сильно бьет мне прямо по физиономии. Но Мэйбл прикрикнула на меня:

— У нас нет на это времени! Некогда! Делайте то, что вам говорят!

Этого я не мог вытерпеть даже от красивой девушки.

— Мне очень жаль, мисс Норман, но я не стану делать только то, что мне говорят. И вы едва ли в состоянии указывать, что я должен делать...

Я отошел и сел у обочины дороги, на которой шла съемка. Милая Мэйбл, ей было в то время всего двадцать, она была общей любимицей, все перед ней преклонялись! И вот она сидит ошеломленная возле кинокамеры: никто еще не говорил с ней так резко. Признаться, я втайне тоже был неравнодушен к ней, но ведь тут дело шло о моей работе!

Операторы и актеры окружили Мэйбл, и началось совещание. Некоторые из статистов предложили попросту вздуть меня, но Мэйбл удержала их. Она послала ассистента узнать, буду ли я продолжать съемку. Я перешел через дорогу, извинился, но повторил, что хотел бы внести несколько комедийных добавлений. Мэйбл не стала даже разговаривать со мной.

— Очень хорошо,— сказала она холодно,— тогда мы все возвращаемся в студию!

Я еще не кончил смывать грим в своей комнате, как ко мне ворвался Сеннет.

— Что это еще за штучки, черт побери?! — крикнул он.

— Я считаю, что в картине надо усилить комический элемент,— начал я объяснять.— Но мисс Норман не желает меня слушать...

— Вы будете делать то, что от вас требуют, или вам придется уйти! — отрезал Сеннет.

— Мистер Сеннет,— ответил я, стараясь сохранить полное спокойствие.— Я зарабатывал на кусок хлеба с сыром и до того, как пришел к вам. Если я уволен,— что ж, значит, я уволен. Но я добросовестно отношусь к делу. И я не меньше вашего стараюсь делать хорошие фильмы.

Не сказав больше ни слова, Сеннет повернулся и ушел, хлопнув дверью.

Я возвращался домой, как всегда, с моим другом-статистом и рассказал ему о том, что произошло.

— Плохи твои дела,— сказал он.— А ведь как здорово ты пошел у нас вверх!

— Ты думаешь, они меня выставят за дверь? — беззаботно осведомился я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Я бы не удивился этому. Когда Сеннет выбежал из твоей комнаты, он был взбешен, я сам это видел.

— Ну что ж, значит, все в порядке. У меня зашито в поясе полторы тысячи долларов, этого хватит добраться до Англии. Если они меня не хотят — ничего не поделаешь, такова жизнь!

Назавтра я явился на студию, как и все, в восемь утра. Я сидел в костюмерной, не гримируясь, дожидаясь дальнейшего развития событий. Без десяти восемь дверь приоткрылась, и в нее просунулась голова Сеннета.

— Чарли, я хочу поговорить с вами. Зайдемте к Мэйбл.

К моему изумлению, тон его был как нельзя более дружеским.

— Хорошо, мистер Сеннет,— ответил я и пошел за ним.

Мэйбл мы не застали в ее комнате, она просматривала заснятые куски.

— Послушайте,— сказал мне Мак,— Мэйбл восхищена вами. Все мы в восторге от вас. Мы считаем вас прекрасным артистом.

Я был ошеломлен этой внезапной переменой. Но я уже и сам начал оттаивать.

— Право же, я глубоко уважаю мисс Норман,— начал я.— Но я не думаю, чтобы она могла быть настоящим режиссером... Она ведь так молода...

— Что бы вы там ни думали, спрячьте в карман вашу гордость и помогайте! — воскликнул Сеннет и похлопал меня по плечу.

— Но именно это я и пытался делать.

...с Эми Джонсон (слева), леди Астор и Бернардом Шоу,

— Ну, хорошо, тогда постарайтесь сработаться с Мэйбл,— сказал Сеннет.

— Послушайте,— сказал я,— если бы вы дали мне поставить фильм, у вас и забот бы не было.

Мак помолчал.

— А кто же вернет расходы, если фильм не получится?

— Я верну,— ответил я.— Я положу в любой банк полторы тысячи долларов — можете их взять в случае неудачи.

— А есть у вас сюжет?

— Еще бы! Сколько угодно.

— Ладно,— заключил Сеннет,— кончайте картину с Мэйбл, а там поговорим.

На следующий день Мэйбл была как нельзя более ласкова и предупредительна. Она даже советовалась со мной и согласилась на некоторые мои вставки. В общем, к удивлению операторов и всей нашей группы, мы благополучно закончили съемку картины.

И все-таки крутой поворот в отношении ко мне Сеннета смущал меня. Только через несколько месяцев я узнал настоящую причину: оказывается, Сеннет действительно собирался выгнать меня в конце недели; но на следующее утро после моего столкновения с Мэйбл он получил телеграмму из нью-йоркской конторы фирмы «Кистоун». Его просили как можно быстрее готовить новые фильмы с Чаплином, ибо спрос на них огромен.

Кистоунские комедийные фильмы распространялись в среднем не более чем в двадцати копиях. Тридцать копий считалось исключительным успехом. Последняя картина с моим участием — четвертая по счету — дала рекордный тираж — сорок пять экземпляров. А заказы все продолжали поступать.

Отсюда неожиданный дружеский тон Мака Сеннета. Телеграмма из нью-йоркской конторы сделала свое дело.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

...с женой и детьми.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Галины Санько.

КОМАНДИРОВКА длиною 28 лет...

Первая моя поездка в Сасово началась так. Дверь в нашу комнату открылась. Вошла Крупская...

Сидели мы тесно: кто лицом, кто боком к двери — и сразу увидели Надежду Константиновну. Она приостановилась, приветливо покивала, со всеми здороваясь, и пошла по неширокому проходу мимо наших столов, составленных по два, в кабинет Муратовой.

Невысокая, но как-то по-русски, по-крестьянски широковатая в кости, Надежда Константиновна держалась очень прямо и поэтому не выглядела старой, хотя на лице у нее лежала затаенная забота. И еще она казалась усталой... Молодили Крупскую глаза. Светло и внимательно смотрели они, никуда не уклоняясь, в другие человеческие глаза и, словно видя тебя насквозь — со всем твоим дурным и хорошим,— отбирали в тебе все-таки твое хорошее... Каждый из нас подумал, что Надежда Константиновна увидела первым именно его, и все молча глядели ей вслед, пока она не затворила за собою дверь.

Она приехала, как всегда, одна.

Мы не стали разговаривать и долго работали, пока Лена Жугина не сказала мне, что Муратова велела быстренько зайти. Зная, что Крупская еще не уехала, я удивилась и пошла.

Мария Федоровна Муратова, главный редактор «Крестьянки», была не за своим огромным столом, а беседовала с Надеждой Константиновной неофициально — возле маленького столика.

— Нужно сделать очерк,— проговорила, взглянув на меня, Мария Федоровна с своей обычной непреклонностью.— Для сборника статей Надежды Константиновны о детском воспитании. Выехать придется сегодня же: книжка уже подготовлена к печати — это приложение к нашему журналу. Сейчас нам позвонят, выберем, куда ехать. А Надежда Константиновна хочет сама сказать, что главное в очерке...

Опять я встретила прямой, добрый, целиком вбирающий в себя человека взор Крупской. Удивительное дело: я нисколько не боялась и не стеснялась ее. Гораздо сильнее робела я перед властной и сильной Муратовой. Впитывая простоту, которую буквально источала Крупская, я еще не умела ощущать самую необычность этой простоты и лишь инстинктивно воспринимала ее притягательность как нечто материнское, изливающееся на всех. Да ведь и то сказать: прошли годы и годы, прежде чем все мы научились ценить истинное величие скромности, присущей великому.

Надежда Константиновна объяснила, что очерк должен передавать опыт воспитания детей в деревне. Нужны сегодняшние, свежие факты. Есть детские сады в колхозах со стажем в два и даже три года! Только надо не просто хвалить хороший опыт громкими словами, а так рассказать о нем, чтобы и в других колхозах поняли, чему учиться у передовых.

— Возьмем показательный садик? — спросила Муратова.

— Мне этого не хотелось бы,— тут же ответила решительно Надежда Константиновна.— Я думаю, не надо брать ни так называемый отличный детсад, ни слишком богатый колхоз. Пусть будет самое обыкновенное русское село, самые обыкновенные дети. И все в нем пусть будет обыкновенно. Все-таки это будет наша, советская обыкновенность, что уже само по себе немаловажно. А кроме того, в нашей повседневной работе, я думаю, людям очень ценно чувствовать посильность тех задач, которые мы ставим перед ними.

Тут, чуть приоткрыв дверь, появилась Лена Жугина; она принесла Муратовой список ближайших колхозных садиков. Мария Федоровна протянула его Крупской.

— Смотрите-ка, вот Сасово, за Рязанью! Детский сад колхоза Любовниково... Чего ж нам еще надо,— сказала Крупская с довольным видом, возвращая бумагу Лене Жугиной.

В Сасово я выехала в тот же погожий сентябрьский день 1936 года...

Бережно всю жизнь хранилась у меня тоненькая брошюрка, выпущенная «Крестьянкой». На заглавном листе значится: «Н. К. Крупская. «Дошкольные дела»; речи и статьи». В конце книжечки очерк: «Об одном хорошем опыте». И всего-то пять страничек, но скольких же трудов они стоили! Только тогда я узнала, что живой смысл, живая прелесть любого человеческого труда немедленно ускользают от тебя при малейшем невнимании или непонимании. Взамен же остаются, увы, те самые громкие слова, от которых и предостерегала Надежда Константиновна.

— Это, видите ли, пустые побрякушки,— замечала она необидно и убедительно.

Помню, я настойчиво старалась передать чувство восторга, охватившее меня при виде детского сада в Любовникове; живой кусочек света и радости в самом центре какой-то запущенной, невеселой деревни. Ярко-голубые халатики, белые воротнички, славные, открытые детские лица, веселые игры в саду под яблонями...

Но и это все Надежда Константиновна сочла лишним.

— Может быть, о такой стороне дела стоило бы еще где-нибудь рассказать,— заметила она мягко,— но нам-то с вами требуется совсем иное: раскрытие самого дела, а не его впечатляющих свойств и качеств.

Мне было жаль впечатляющих качеств, но я с жаром переписывала все заново... Сейчас-то видно, конечно, что если кто и читал очерк с интересом, то только потому, что им как бы завершались глубокие педагогические мысли Крупской, которая упорно интересовалась подробностями общественного бытия в жизни ребятишек.

Именно это, общественную жизнь, Надежда Константиновна считала фундаментом будущих человеческих судеб, будущих характеров.

Как-то они сложились, эти судьбы и характеры... Найти бы хоть кого-нибудь из тех ребятишек!

Когда я показала книжечку Н. К. Крупской у себя, в редакции «Огонька», это решило вопрос о моей второй командировке в Сасово.

Раньше туда ходил паровоз; поездка занимала чуть ли не сутки. А потом еще в Любовниково надо было полдня трястись на райисполкомовской небойкой лошаденке. Теперь в этом городе лошадь — как в Москве — увидишь нечасто. Энергичная, расторопная Анна Ивановна Гребенчикова, секретарь Сасовского райисполкома, едва успевает просмотреть книжечку Крупской, пока мы мчимся на машине в Любовниково.

— А кто заведовал тогда садиком, не помните?— спрашивает она.— Ну, да не беспокойтесь, думаю, разыщем! Деревня не очень большая: Любовниково теперь входит в состав колхоза «Россия». Но правление колхоза находится здесь — для нас это важно.

В правлении тихо и пустовато; только что принесли почту. Молодой чернобровый парень с завидным румянцем во всю щеку и два пожилых дядьки углубились в газеты; они смотрят на нас поверх газет выжидательно, явно надеясь, что мы ошиблись адресом. Но не тут-то было! Анна Ивановна произносит краткую, но выразительную деловую речь, газеты отложены в сторону, мы знакомимся. Румяный парень Володя Куличенков—это заместитель председателя колхоза, главный агроном. А два пожилых дядьки — полевод Косичкин и счетовод Сычев—члены правления, старожилы, знающие всех и вся в родной деревне.

— Кого же вы хотели бы найти у нас?— интересуется дотошный Николай Сергеевич Сычев.

Я усаживаюсь за стол и называю фамилии детишек — тогдашних детишек!— выписанные на листочек. Старожилам, оказывается, известно все: кто в Москве, кто за границей, кто на Дальнем Востоке...

— Разлетелись птенцы из родного гнезда,— говорит явно склонный к поэзии счетовод, отбивая косточки на счетах. Он поочередно определяет теперешний возраст каждого воспитанника детского сада и подводит итоги:

— Лета самые что ни на есть подвижные: тридцать, тридцать два, тридцать четыре года... На войне-то им быть, конечно, не пришлось, а все же война и их с места стронула.

— А я по спискам нигде не значусь?— неожиданно спрашивает румяный агроном Володя, посмеиваясь втихомолку.

— Нет,— отвечаю я.— Хотя, похожая фамилия есть. Кульченков.

— А может, это опечатка?— настаивает агроном; румянец на его щеках становится еще гуще.

Догадливая Анна Ивановна хватает из рук агронома брошюру.

— Да ведь это он!— восклицает она.— И даже на фотографии изображен! А до чего похож: сразу узнать можно!

Восклицания Анны Ивановны становятся все восторженнее.

— Ну вот,— степенно замечает Косичкин, ничуть не удивившись,— что я говорил: разобрались все-таки!

Слова Степана Федоровича тонут в общем шуме, гаме, смехе: народу в правлении уже набралось — не протолкнешься. Радуясь своей первой находке, я все же успеваю изумиться вечной загадке молниеносного распространения новостей в деревне. Никто из правления не выходил, все только входят, но вся деревня уже все знает!.. Правда, каждый знает свое: кто твердит, что в 1936 году в Любовниково приезжала сама Крупская, кто спорит: вовсе не так,— здесь был секретарь Крупской. И лишь Косичкин и Сычев авторитетно разъясняют любопытным, что, мол, приехала та самая журналистка, что и раньше.

Ставший героем дня Володя Куличенков сообщает, что в Любовникове гостит у матери Николай Полежаев,— он был тогда постарше их, учился в школе. Жива воспитательница Татьяна Васильевна Панчихина; она по-прежнему работает в детском саду, только не здесь, не в деревне, а в Сасове. Там же, в Сасове, живет воспитанник детсада Виктор Попков, упомянутый в брошюре; он стал железнодорожником.

— Так ведь Виктор вместе с матерью проживает! Небось, и на нее интересно взглянуть: это она детский сад у нас организовывала,— говорит Николай Сергеевич Сычев.

— Как же,— подхватывает Косичкин.— Катерина Михайловна —

ома Фролова.

Валя Новикова.

Люба Минаева.

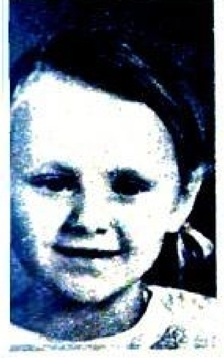
Леша Федонин

Толя Дьяков.

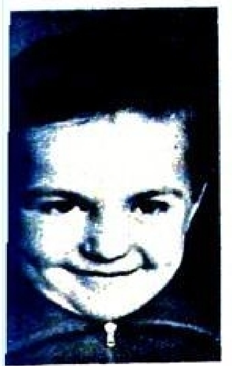
Вера Михеева.

еля Ермолова.

Люба Трушина.

Витя Малеев.

Таня Корчагина.

Надя Малеева. Сережа Ермолов.

женщина стоящая! Замечательная, прямо сказать, женщина!

— У нас и сейчас заведующая не хуже,— добавляет Сычев.

Так понемножку они все вместе, пополняя один другого, создают довольно ясную картину, а Анна Ивановна с привычной расторопностью определяет наши организационные задачи:

— Знакомство с людьми, со школой и детским садиком! А на обратном пути — к Тане Панчихиной, то бишь Татьяне Васильевне. Ну и, конечно, к Попковым!..

Акулина Петровна и Иван Иванович Полежаевы вместе с сыном Николаем ужинают. Видно, что малость выпили: беседуют громко и весело. Узнав о цели моего прихода, семья перебирается в чистую залу. Старики чинно рассаживаются в переднем углу.

— Чего ж сказать о детях?— бойко начинает Акулина Петровна, худощавая, разбитная, быстрая в движениях; и сейчас видно, что была боевым бригадиром.— Выросли вполне обыкновенно. И живут ничего. Да и мы со стариком не жалуемся.

Николай так же, как и отец, воевал, был на границе, возле Монголии. Рассказывает о себе немногословно, зато охотно вспоминает ребятишек, которых я разыскиваю,— ведь тогда детсад казался ему диковинкой: это теперь все новое прочно вошло в быт деревни.

— И школа и детский сад у нас не хуже, а поди-ка еще лучше, чем до войны,— с гордостью говорят Полежаевы.

На следующее утро я убеждаюсь в этом. Здание школы кажется даже великоватым для немногочисленных классов.

— В детском саду живут потеснее,— рассказывает Володя Куличенков: малышей в деревне больше, чем школьников. Построили для детского сада новый дом, а мест опять не хватает...

Малыши после обеда спят, но их уже пора будить; а пока можно посмотреть, как они отдыхают.

В своих кроватках — по пять в ряд — дети лежат, как большие куклы: почти все русые либо совсем светловолосые. Выглядывает лишь несколько темных головенок. Потом открываются удивленные глазки — карие, голубые, серые... Может быть, мы помешаем детям одеваться? Нет, нет, они слишком заняты собой, вернее, своим делом. Старшие ведь должны собрать маленьких, и если вы думаете, что легко натянуть поверх чулок теплые носочки, надеть на платье лыжный костюм либо вязаную кофточку и, наконец, застегнуть сзади фартучек, то попробуйте-ка сами! А шестилетняя Таня Корчагина уже оделась и не спеша наряжает свою подшефную—беленькую, толстенькую Любу Финогенову, которая вдвое моложе Тани. Люба сидит совсем неподвижно и только водит глазами, следя за каждым Таниным движением. Наконец все готово; Таня поправляет Любе кофту, одергивает юбочку — вот теперь порядок!

— Кому подражает Таня?—спрашиваю я заведующую Александру Васильевну Люлину.

— Ну, конечно, Нине Дмитриевне, своей воспитательнице!— отвечает Люлина.— А как вы узнали, что она подражает?

Да ведь об этом Крупская как раз и писала в своей книжечке... И не раз говорила, что дети всегда берут от взрослых их главное. Не обязательно лучшее, но главное. В свою очередь, дети незаметно подсказывают взрослым то новое, которое и определяет беспрерывно меняющуюся, развивающуюся жизнь...

Когда-то любовниковские ребятишки, несмотря даже на свои роскошные для того времени голубые халатики, все же заметно отличались от городских детей. Сейчас воспитанников деревенского детсада не отличишь от городских, сасовских. А мы с Анной Ивановной побывали во всех детсадах Сасова, разыскивая сначала Татьяну Васильевну Панчихину, а потом Екатерину Михайловну Попкову.

Панчихина уточняет адрес Попковой, и мы долго едем — сначала по прямым, асфальтированным улицам с большими каменными домами, потом по кудрявым, тесным переулочкам вокруг садов и палисадников. Разросшееся Сасово тоже не узнать!

Неугомонная Анна Ивановна первая идет в дом к Попковым.

— Надо же предупредить все-таки! Нельзя к людям сваливаться как снег на голову!

И тут же возвращается сияющая:

— Представьте, она все помнит! Ждет! Рада!..

Екатерина Михайловна Попкова стремительно выбегает на улицу, накинув старенькую кацавейку.

— Милая вы моя,— говорит она сквозь слезы,— прямо сердце чуяло, что еще увидимся. Тогда-то, в тридцать шестом, я устраивала мать в больницу, а пора уже было вам в Москву возвращаться: совсем недолго поговорили с вами. Ну, «Крестьянку» я выписывала; смотрю, принесли книжечку Крупской, а там про наш детский сад! Ликование-то какое было!

Теперь мне кажется, что из всех людей, встреченных в Любовникове, именно Попкову узнала бы я с первого взгляда. Круглое, добродушное лицо с каким-то детским, доверчивым выражением, ласковые морщинки в уголках глаз и губ, лукавая улыбка, не сходящая с лица, короткий, звонкий, по-детски отрывистый смех... Екатерина Михайловна сразу начинает рассказывать о прожитых годах и, конечно, больше всего о сыне Викторе.

— Помните, писали вы про его рисунки? Ну, художником-то он, правда, не стал, хотя многие его художником называют и даже в нашей газете о его картинах было... Ну, и не летчик, опять же, хотя в детстве собирался... Только, знаете ли, труженик он, ничем не хуже летчика! И дома и на работе — золотые руки. Коммунист, любит трудиться. И труд его любит. Сколько почетных грамот у него!..— Мать счастливым жестом разворачивает целую кипу красивых, разноцветных бумаг, где повторяются слова: «за отличную работу», «за важную общественную работу», «за ударный труд»...

— Давайте уберу скорее, а то Виктор придет. Не рассердился бы,— хлопочет Екатерина Михайловна. Но не успевает: Виктор Михайлович входит в дом, на ходу что-то говоря матери. Конечно, он замечает бумаги, разложенные на столе, только рассердиться мать ему не позволяет. Она знакомит нас со свойственной ей стремительностью, и на лице Виктора появляется смущение и будто даже виноватое какое-то выражение:

— Видите, не стал я ни художником, ни летчиком...

— Да ведь стал бы! Обязательно стал бы и летчиком и художником! Стал бы обязательно,— спеша и волнуясь, перебивает мать.— Кто ж виноват, что война! А сколько картин своими руками!.. И весь этот дом. И всю мебель. А на работе! А депутат... Да разве перечтешь...

— Мама,— сурово останавливает Виктор.

— Ну, ладно, ладно,— уже счастливо улыбается мать и, схватив самовар, убегает в другую комнату.

Пока Екатерина Михайловна хлопочет по хозяйству, Виктор говорит о себе:

— Писали вы, что, мол, дети в Любовникове не раз пересмотрят свой путь в жизни. Это верно. Только мы не сами пересматривали: война пересмотрела. Из семилетки пошел я учиться на железнодорожника... Учение было потрудней, может, чем фронт,— с восьми утра до восьми вечера за шестьсот граммов хлеба. А с восьми до двух ночи работаешь добровольно—опять же для фронта, для победы над врагом! И все до одного такие же желторотики, как я, по четырнадцать лет. Вернусь домой, мать плачет: «Сыночка ты мой родной»,— жалеет меня. А я весь мокрый, грязный, комбинезон никогда не высыхал на мне под вагонами-то. А с утра опять так же; и каждый день так... Только иной раз приду, а дома никого: мать в райком партии взяли работать, дежурить ей часто приходилось. Вот и вывозили войну на своих плечах девчонки и мальчишки из вашего детсада... Будущая жена моя, Тонечка, там же, в конторе депо, работала. Тоже пришла туда в четырнадцать лет. И все это было тогда для нас вполне обыкновенно...

Давно свечерело. Попковы, явно считающие меня, к моему удовольствию, чем-то вроде неожиданно отыскавшейся родни, оставляют меня ночевать. И долго еще я слушаю в спаленке Екатерины Михайловны громкий, счастливый ее шепот о внуках, о Тонечке, о сыне... Добрый он, Витя-то, к матери и детям, да и вообще к людям. Душевный вырос, трудовой человек, и себя не привык жалеть. Как он на фронт-то рвался — вспомнить страшно! А ведь совсем был ребенок, мальчишка худущий, глядеть не на что,— не то что вот его-то дети... На четыре года Виктор моложе своего двоюродного брата Саши Степанова. А Саша повторил подвиг Матросова в первую же военную зиму, в боях под Ленинградом; посмертно присвоено Саше звание Героя Советского Союза...

Утром Попковы берут с меня верное слово, что теперь-то уж я снова приеду не через двадцать восемь лет, а пораньше: мне, считают они, надо и других ребятишек из любовниковского детского сада поискать. Каждому, небось, найдется что о себе рассказать.

— Да они теперь, наверное, сами в «Огонек» напишут,— сияя, высказывает предположение Екатерина Михайловна.— Вот хорошо-то было бы!

И правда, это было бы хорошо...

Новая Лариса

Уходящий олимпийский год завершился спортивной сенсацией: Лариса Латынина проиграла абсолютное первенство страны пятнадцатилетней девочке из Витебска — Ларисе Петрик.

Три дня на помосте Киевского Дворца спорта разыгрывались командные призы первенства страны по гимнастике и медали абсолютных чемпионов. Выступления лучших гимнастов имели возможность наблюдать по телевидению сотни тысяч людей в разных городах страны. Каково же было изумление многочисленных любителей и знатоков гимнастики, когда они увидели, что две юные спортсменки — Лариса Петрик и Наташа Кучинская — на равных ведут спортивный спор с Ларисой Латыниной! Наташе не повезло: она сорвалась с бревна,— но Лариса Петрик с блеском закончила свое выступление и победила.

Десятилетней девочкой Лариса Петрик увидела по телевизору выступление знаменитой гимнастки Латыниной, решила тоже стать гимнасткой и впервые переступила порог спортивной школы.

— Хорошая смена растет,— сказала Лариса Латынина.— На мой взгляд, прекрасное будущее ожидает Ларису Петрик, Наташу Кучинскую, Наташу Концову. Пройдет год-два, и нынешние дебютантки составят большую силу не только на всесоюзной арене, но и на мировой.

Д. ЯКОВЕНКО

Киев, по телефону.

На снимке: Лариса Латынина поздравляет Ларису Петрик.

Фото Н. Козловского.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Первая лунка.

Замотался.

— Будешь стоять в углу до тех пор, пока не научишься решать задачи.

— Я сказал: купаться не буду.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ В РОЛИ БОЛЕЛЬЩИКОВ

В одном аргентинском городке власти приставили к футбольному судье для его защиты от темпераментных болельщиков двух полицейских. Однако во время первого же состязания судья был избит самими полицейскими, которые оказались болельщиками клуба, потерпевшего поражение. В полиции заявили: «Признаем свою вину. Но наша приверженность клубу была сильнее чувства долга».

ОДИН ШАРЛАТАН НА СТО ЖИТЕЛЕЙ

В Париже зарегистрировано 50 тысяч чародеев разных видов и мастей. Число гадальщиков, прорицателей судьбы, знахарей, ворожей непрерывно растет. Газета «Фигаро» сообщила, что в этом отношении Париж бьет все рекорды: на сто жителей приходится по одному шарлатану.

БУДЬТЕ КАК ДОМА

В одном нью-йоркском ресторане висит объявление: «Если вы плюете на пол в своей квартире, плюйте и здесь. Чувствуйте себя как дома».

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ

По старому датскому поверью, девушка, заплатившая за свои свадебные туфли мелкой монетой, будет счастлива в браке. И вот 23-летняя Грета Хансен из Копенгагена пришла в один обувной магазин с мешком, в котором было 10 317 самых мелких датских монет, и ими заплатила за туфли. Эти монеты девушка собирала двенадцать лет.

МНОГОЭТАЖНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

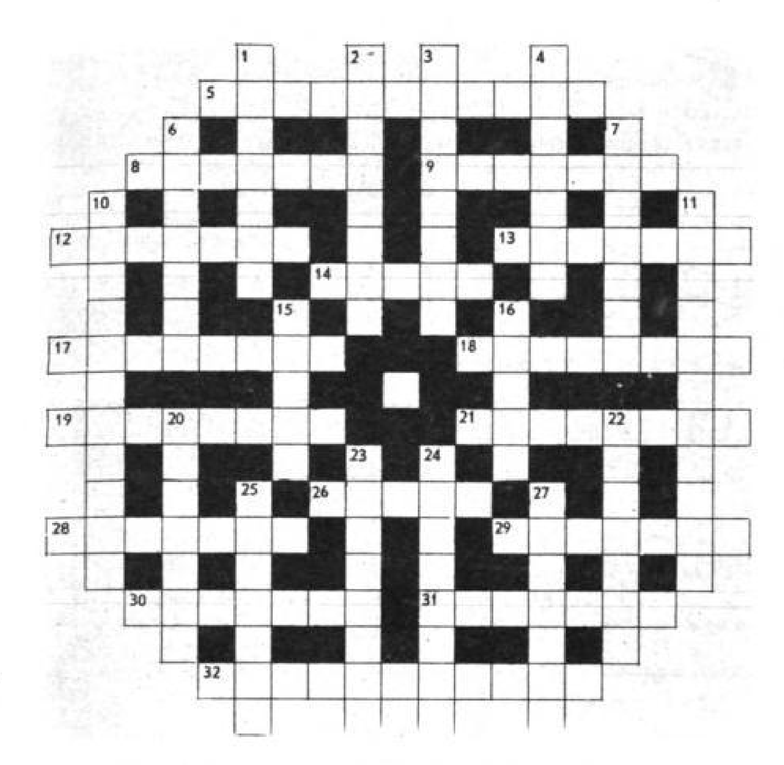
Этот велосипед сооружил американец из частей старой металлической кровати. Владелец велосипеда утверждает, что с высоты его положения хорошо обозревается жизнь птиц, обитающих в кронах деревьев.

ЖЕРТВА МЕХАНИЗАЦИИ

Велико было изумление американца Д. Томсона из штата Виргиния, когда он, выйдя из дому, заметил, как огромная машина, очищающая улицу, вместе с мусором захватила своей огромной челюстью и проглотила его малолитражный автомобиль.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Роман Л. Н. Толстого. 8. Сушеный виноград. 9. Землепроходец. 12. Раздел механики. 13. Ударный музыкальный инструмент. 14. Озеро в Италии. 17. Театральный портной. 18. Государство в Африке. 19. Водное животное тропических стран. 21. Аттракцион. 26. Драгоценный камень. 28. Опера Бетховена. 29. Кондитерское изделие. 30. Художник-передвижник. 31. Птица. 32. Лечебное учреждение.

По вертикали:

1. Сельскохозяйственная машина. 2. Приток Миссисипи. 3. Сооружение в виде моста. 4. Вещество, необходимое для нормальной деятельности организма. 6. Повесть Н. В. Гоголя. 7. Южный мыс Камчатки. 10. Запись знаками. 11. Вступительная часть научного труда, литературного произведения. 15. Серо-коричневая краска. 16. Толстая веревка. 20. Зодиакальное созвездие. 22. Американский писатель. 23. Народный танец. 24. Единица мощности. 25. Город в Ивановской области. 27. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

5. Стручкова. 8. Морена. 9. Оборин. 12. Ласка. 13. Орисава. 15. Атлас. 16. Вратарь. 17. Экзамен. 18. «Журбины». 20. Биатлон. 24. Юнона. 25. Ожогина. 26. Штиль. 27. Болонь. 29. Сирень. 31. Мелодрама.

По вертикали:

1. Потье. 2. Шевро. 3. Сусанин. 4. Акробат. 6. Нокаут. 7. Пижама. 10. Остроумов. 11. Аллегория. 13. Отранто. 14. Арктика. 19. Благой. 21. «Тишина». 22. Кольцов. 23. Миссури. 28. Онега. 30. Роман.

ВОДИТЕЛИ-АКУШЕРЫ

Тринадцать водителей такси из шведского города Елливаре с успехом выдержали экзамен на акушера. Такая квалификация получена ими не без причины: на дальних рейсах многим из них приходилось помогать при родах в дороге. Так, один из шоферов уже шесть раз был в роли акушера.

ТУНЕЯДЦЫ

Американский зоолог Джордж Шалер недавно вернулся после двухлетнего путешествия из африканских джунглей, где он вел наблюдение за жизнью горилл. Шалер установил, что гориллы спят по тринадцать часов в сутки и едят по два часа.

ИМ УГРОЖАЛО СОЖЖЕНИЕ НА КОСТРЕ

Не так давно английский парламент вынес решение об отмене закона 1677 года, согласно которому «каждый, кто предсказывает погоду, будет сожжен на костре». Работники британской метеорологической службы и не подозревали, что были еретиками и все время балансировали на краю гибели!

В ТЕМНОТЕ

Вылчо МИХАЙЛОВ

Председатель ревизионной комиссии перечислял одну цифру за другой. Читал свой доклад спокойно, деловито, невозмутимо. Как будто не замечал того, что его никто толком не слушает, что сидящие в зале оживленно болтают друг с другом и с нетерпением ждут момента, когда с собранием будет наконец покончено и начнется самое интересное — банкет. Поэтому, когда предревкома закончил чтение доклада, никто не задал вопроса, никто не изъявил желания высказаться.

— Переходим к последнему вопросу повестки дня. Нам предстоит избрать нового председателя совета селькоопа, — объявил председатель собрания Паско Трампаджиев, и в зале все стихло.— У кого какие предложения?

Тут же поднял руку Мицо Каракачанов.

— Предлагаю председателем селькоопа вновь переизбрать товарища Дьяно Плякова, который показал себя...

В этот самый миг неожиданно погас свет.

— Не-е-е-ет! — крикнул кто-то в темноте.— Это же бездарнейший человек!

— Вдобавок к тому же еще ворюга! — смело дополнил второй.

— Скорее тащите керосиновую лампу! — тревожно заголосил Дьяно Пляков.

— Довольно ему сидеть в председателях, ведь он уже успел поставить себе новый дом! — храбро продолжал критиковать третий.

— Прекратите злословить! — Это прогремел гневный голос Паско Трампаджиева.

Но никто не внял его отчаянному воплю. Острые и неотразимо точные критические стрелы летели в кромешную темноту. Вряд ли кто мог представить себе дальнейший ход собрания. Возможно, оно завершилось бы полнейшей катастрофой для кандидата в председатели, если бы вскоре не зажегся свет.

— Кто за то,— невозмутимо начал председательствующий, — чтобы председателем селькоопа переизбрать нашего уважаемого товарища Дьяно Плякова, прошу голосовать!

В зале вырос лес рук, и Дьяно Пляков, единогласно поддержанный кооператорами, вновь был избран председателем.

Перевел с болгарского С. САФИУЛЛИН.

Крест, или ядерный взрыв.

МОДА, МОДА!

Архитектура дамских причесок на Западе продолжает совершенствоваться. Появляется много сооружений, так сказать, тематически - сюжетного характера. Вот несколько образцов.

Без названия.

Большой фитиль.

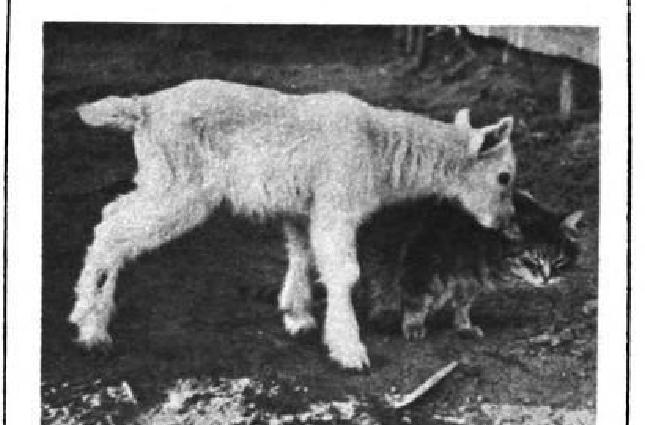
Почему мы так говорим

ГРАНАТА

Была когда-то во многих странах единица аптекарского веса — гран. А значило это слово по-латыни «зерно». Многие слова потом были образованы от этого слова «зерно»: например, «гранит» — это горная порода с зернистым строением; «гранат» — это растущий на Кавказе, в Крыму, в среднеазиатских республиках плод, состоящий из сочных зерен. А граната — артиллерийский снаряд и ручная граната,— она тоже связана с «зерном»? Да, связана. Первые ручные гранаты появились в Италии в XVI веке, а через столетие уже были и артиллерийские гранаты. Названы они были из-за сходства с плодом гранатового дерева, потому что они наполнялись взрывчатым веществом и свинцовыми зернами. Гранатовому яблоку обязан своим названием испанский город Гренада, а граната породила, в свою очередь, новые слова, например, «гренадер» (в XVI—XIX веках — солдат, предназначавшийся для метания ручных гранат, а потом во многих армиях это слово стало названием отборной части пехоты).

И. УРАЗОВ

ПО СЕКРЕТУ.

— А теперь давай по парижскому времени.

Рисунок Б. Боссарта.

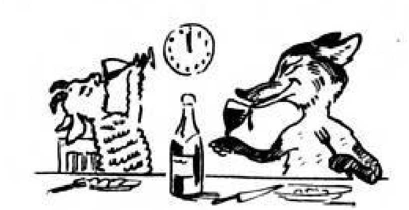
— Не откажите в любезности, скажите: который час?

Рисунок Д. Белова.

ЕЩЕ ОБ ОСТОРОЖНОСТИ ПРИ ВЫБОРЕ КОМПАНИИ

Чокнулись.

Выпили.

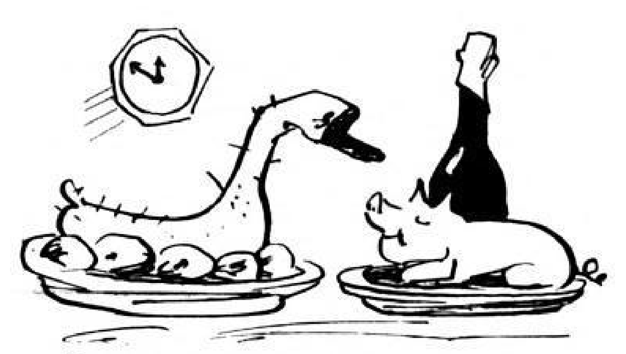
Закусили.

Рисунки А. Орлова и А. Шварца.

— Зайдите через неделю.

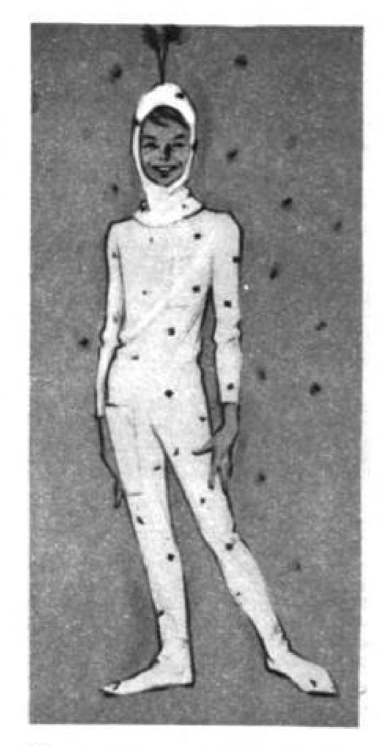
Рисунок А. Грунина.

Когда гусь свинье товарищ.

Рисунок А. Грунина.

Веселый МАСКАРАД

Начинается пора новогодних елок. Что ни день — в школах праздники. Белки, зайцы, медведи, «космонавты» и Снегурочки, Золушки и Хоттабычи под предводительством Деда Мороза водят вокруг елки веселые хороводы.

А где взять маскарадный костюм?

Конечно, приятнее и интереснее все сделать самому. И для этого не надо быть ни художником, ни искусным портным. Фантазия и умелые руки — лучшие творцы самого замечательного наряда. В любом доме всегда найдется марля или старые тюлевые шторы; если их подкрахмалить и усыпать блестками, они станут великолепной юбкой Золушки или Снегурочки, плащом марсианки и т. п. Из сатина или старой подкладки получаются очень эффектные плащи для мушкетеров, Котов в Сапогах и пр. Их тоже можно отделать елочной мишурой. Главное, чтобы все было аккуратно, чисто, отглажено. Не забывайте о кар-

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. Шумана.**

На первой странице обложки: Фигуристы Людмила Белоусова и Олег Протопопов, чемпионы IX зимних олимпийских игр.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Лесной дорогой.

Фото М. Савина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00813. Подписано к печати 16/XII 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,2 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 854 000 Изд. № 2078. Заказ № 3393.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Дорогая редакция!

Расскажите, пожалуйста, какие можно сшить костюмы для маскарада. Ведь мы уже 11-й класс, и нам хочется провести последний бал в школе так, чтобы он запомнился на всю жизнь.

Очень просим: напечатайте костюмы, чтобы могли посмотреть не только мы, но и другие ребята.

До свидания.

Андриевские Шура и Валя, Конограй Валя, Вивчар Валя, Брюханчик Саша и другие.

тоне, цветной бумаге, серебряных конфетных обертках, красках — все это очень пригодится вам для костюма.

Художница Н. ГОЛИКОВА нарисовала по просьбе ребят несколько костюмов. Это герои, знакомые вам по книгам, сказкам. Но если вы здесь ничего для себя не найдете, полистайте книжки с иллюстрациями. И Незнайка с его великолепным сомбреро, и доктор Айболит, Дон-Кихот, Царевна-Лебедь, Иванушка, Ходжа Насреддин, Демон, гоголевские персонажи, не говоря уже о народных костюмах, украсят ваш школьный бал.

Костюмы делайте облегченными: ведь они нужны вам только на один вечер. Плащ, веер, маска, головной убор, юбка, украшения — вот главные атрибуты маскарадного наряда.

Желаем вам веселых школьных праздников! И не забудьте написать «Огоньку», как удались костюмы.

И. СЕМЕНОВА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663